

ЗЕМЛЯ БОГОВ

Книга II.

ЗВЕЗДНЫЕ ДУШИ

Феликс Арден

Феликс Ардэн

Звездные души

<https://litres.ru/74389398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если память о прошлых жизнях реальна, но сама по себе ничего не говорит о том, кем человек должен стать?

Максим Лавров всё глубже погружается в тайну людей, чьи воспоминания не укладываются ни в официальную историю, ни в привычную картину мира. Старые архивы, закрытые исследования, следы давно исчезнувших программ и новые технологии постепенно соединяются в одну цепь. Но чем ближе становится ответ, тем опаснее главный вопрос: имеет ли происхождение человека право определять его выбор?

Одни помнят Сириус и древний Египет. Другие - миры, для которых невозможно указать координаты. Кто-то не помнит ничего. И всё же между ними существует связь.

«Звёздные души» - роман о памяти и свободе, о власти готовых объяснений, о цене собственного решения и о Земле, которая, возможно, вовсе не школа, не испытание и не промежуточная остановка.

Возможно, она просто дом.

Содержание

ПРОЛОГ. ДОГОВОР О ЗАБВЕНИИ	4
ГЛАВА 1. МАКСИМ	26
ГЛАВА 2. ТЕ, КТО ЗАМЕТИЛ	49
ГЛАВА 3. СИСТЕМА НАБЛЮДЕНИЯ	81
ГЛАВА 4. КОНТУР	124
ГЛАВА 5. ПРОВЕРКА ПАМЯТИ	172
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Звездные души

ПРОЛОГ. ДОГОВОР О ЗАБВЕНИИ

Он помнил Землю другой.

Не голубым шаром, зависшим в темноте, не светящейся точкой на краю галактической карты. Память хранила запах нагретого камня, тяжесть речной воды, влажную землю под босыми ногами, пыль на ступенях храма.

Когда-то он стоял среди людей и учил их читать движение звёзд.

Показывал, как отводить воду на поля.

Как сохранять семена.

Как видеть за изображением не картинку, а путь.

Как различать страх и предчувствие.

Власть и ответственность.

Знание и желание обладать знанием.

Тогда его называли иначе.

Имя почти растворилось за тысячелетия, но память всё ещё отзывалась на него лёгкой вибрацией.

Натхор.

Так называли человека, которым он когда-то был.

Человека, прожившего долгую жизнь на берегах великой

реки.

Человека, который в конце пути понял вещь, оказавшуюся намного важнее всех знаний, принесённых им на Землю.

Невозможно построить чужую реальность вместо другого.

Можно создать пространство.

Передать знание.

Показать направление.

Но выбор всегда остаётся за тем, кто идёт.

Когда-то ему понадобилась целая человеческая жизнь, чтобы это понять.

Теперь этот закон лежал в основании того, что должно было произойти.

Перед ним вращалась Земля.

Она казалась спокойной.

Тонкий слой атмосферы светился голубым вдоль края планеты. Над ночной стороной вспыхивали города. Огромные материки были прошиты миллионами огней, словно человечество покрыло поверхность мира собственной нервной системой.

Но здесь видели больше.

За привычным спектром света проступали другие структуры.

Поля городов.

Потоки коллективных эмоций.

Густые образования над районами войн.

Миллиарды тонких связей, соединявших людей с семья-

ми, государствами, религиями, идеями, страхами, надеждами.

Часть этих связей была естественной.

Другие создавались намеренно.

Некоторые существовали так давно, что люди принимали их за устройство самого мира.

Земля изменилась.

И всё же в ней оставалось что-то прежнее.

Та же упрямая способность жизни пробиваться там, где для неё почти не осталось места.

Вокруг планеты присутствовали ещё шестеро.

Их нельзя было назвать людьми, хотя человеческие формы были им знакомы. Здесь форма зависела от наблюдателя. Сознание выбирало образ, который позволяло воспринять чужое сознание.

Для Натхора они выглядели почти человеческими.

Один из присутствующих поднял ладонь.

Пространство между ними изменилось.

Над Землёй возникли линии вероятностей.

Тысячи.

Миллионы.

Они расходились, соединялись, обрывались, снова возникали.

В одной версии человечество переживало новый виток войн.

В другой начинались десятилетия внутренней деграда-

ции.

В третьей технологическое развитие продолжалось быстрее, чем развитие самого человека, пока созданные им системы окончательно не становились сильнее способности общества ими управлять.

Но существовали и другие ветви.

На них города оставались городами.

Технологии оставались технологиями.

Люди не возвращались в леса и не уничтожали машины.

Менялось другое.

Отношение человека к собственной жизни.

К чужой боли.

К власти.

К знанию.

К ответственности.

К самой идее того, зачем существует цивилизация.

Эти линии были пока тоньше остальных.

Но их становилось больше.

- Переход начался, - произнесла женщина напротив него.

Её голос не распространялся звуком. Смысл возникал непосредственно внутри сознания.

- Они называют это разными именами.

Перед ними появились человеческие изображения.

Учёные.

Дети.

Учителя.

Врачи.

Монахи.

Программисты.

Люди, покинувшие высокие должности.

Люди, которые отказались выполнить приказ.

Женщина, вывезшая чужого ребёнка из зоны боевых действий.

Солдат, опустивший оружие.

Подросток, задающий взрослым вопрос, на который у них не находилось привычного ответа.

Мужчина, закрывший экран после очередного выпуска новостей и впервые спросивший себя, почему чужую смерть ему предлагают воспринимать как повод для радости.

- Большинство из них ничего не знает о переходе, - сказал Натхор.

- И не обязано знать.

Изображения сменились.

Появилась другая Земля.

Та, которой ещё не существовало.

Не идеальная.

Но взрослая.

- Тогда зачем мы здесь?

Никто не ответил сразу.

Он уже знал.

Но хотел услышать это вслух.

Женщина посмотрела на него.

- Совет окончательно подтвердил прежнее решение. Прямого вмешательства не будет.

Натхор снова посмотрел на планету.

Когда-то это правило казалось ему жестоким.

Он видел войны.

Голод.

Разрушенные города.

Детей, которые рождались в местах, где взрослые давно забыли, из-за чего начали убивать друг друга.

Он видел, как небольшие группы людей получали власть над миллионами и убеждали их отдавать жизнь за слова, смысл которых сами почти не понимали.

Знал о технологиях, способных накормить гораздо больше людей, чем жило на планете.

Знал о ресурсах.

О знаниях.

О возможностях.

И всё равно миллионы существ продолжали жить так, словно мир был построен на вечной нехватке.

Когда-то он спросил Совет:

если вы можете остановить это, почему не останавливаете?

Ответ ему не понравился.

Позже он понял его.

Цивилизацию можно спасти от одной войны.

Потом придётся спасать от следующей.

Можно остановить одного тирана.

Через поколение люди выберут другого.

Можно дать готовую систему справедливого распределения.

Но если уровень сознания останется прежним, систему очень быстро превратят в очередной инструмент власти.

Внешнее спасение не делает цивилизацию взрослой.

Иногда оно только откладывает взросление.

- Мы уже допустили эту ошибку, - произнесла женщина.

Натхор понял, о чём она говорит.

Египет.

Сириус.

Те времена, когда после великой катастрофы Земля находилась почти на грани нового начала.

Тогда им позволили больше.

Они помогали создавать центры знания.

Передавали способы работы с землёй.

Восстанавливали утраченное.

Создавали структуры, способные удерживать пространство развития для миллионов молодых душ.

Какое-то время это работало.

Потом знание стало властью.

Власть стала наследоваться.

Посвящение превратилось в привилегию.

Тайна, которая должна была защищать знание от неподготовленного сознания, постепенно стала защищать тех, кто

знанием обладал.

И однажды храм перестал быть местом пути.

Он стал местом доступа.

Человек снова поставил между собой и Источником посредника.

- Поэтому теперь только воплощение, - сказал Натхор.

- Только воплощение.

Пространство вокруг него исчезло.

Осталась Земля.

Голубая.

Прекрасная.

Трудная.

- Условия прежние?

- Почти.

Это слово заставило его обратить внимание.

- Что изменилось?

Перед ним возникла структура человеческого сознания.

Сначала простая.

Потом всё более сложная.

Миллиарды информационных импульсов.

Социальные сети.

Реклама.

Новости.

Мнения.

Страхи.

Чужие желания.

Алгоритмы, обученные удерживать внимание.

Системы, способные изучать реакции человека быстрее, чем человек успевал понять собственную реакцию.

- Уровень информационного воздействия значительно выше, чем в твоих прошлых воплощениях.

Натхор усмехнулся.

- Значит, вспомнить будет сложнее.

- Да.

- Хорошо.

- Ты ещё не услышал всё.

Перед ним появилась человеческая жизнь.

Он не видел деталей.

Только вероятности.

Рождение.

Детство.

Семья.

Несколько травм.

Потери.

Ощущение собственной неправильности.

Попытки жить так, как от него ждут.

Работа.

Деньги.

Отношения.

Ошибки.

Периоды полного внутреннего опустошения.

Моменты, когда память будет почти возвращаться.

И события, которые снова закроют её.

- Почему столько препятствий?

- Потому что ты должен проснуться внутри их мира, а не рядом с ним.

- Это испытание?

- Нет.

Женщина впервые улыбнулась.

- Это условие честности.

Он понял.

Если дать ему слишком лёгкую жизнь, он не узнает людей, ради которых пришёл.

Если сохранить память полностью, он никогда по-настоящему не станет одним из них.

Если оставить прежние способности, любое его слово будет подкреплено силой, которой обычный человек не обладает.

Тогда люди снова последуют не за смыслом.

За чудом.

А значит, ничего не изменится.

- Какая часть памяти останется?

- Достаточная.

- Что это значит?

- Ты будешь чувствовать, когда идёшь не туда.

- Все люди это чувствуют.

- Именно.

Он снова улыбнулся.

- Значит, никаких привилегий.

- Ты сам этого потребовал.

Он вспомнил.

Да.

Это решение было принято задолго до сегодняшней встречи.

- Способности?

- В пределах человеческого тела.

- Связь?

- Будет открываться постепенно.

- С Советом?

- Если сумеешь отличить его голос от собственного желания услышать Совет.

Это было справедливо.

И неприятно.

- А если я решу, что сошёл с ума?

- Такая вероятность существует.

- Если выберу другую жизнь?

- Это твоё право.

- Если вообще ничего не вспомню?

Молчание.

Вот теперь вопрос был настоящим.

Женщина ответила:

- Тогда ты проживёшь человеческую жизнь.

- И миссия?

- Найдутся другие.

Эти слова коснулись чего-то очень древнего внутри него.
В них не было угрозы.
Не было разочарования.
Только свобода.

Он действительно мог отказаться.

Даже после рождения.

Даже забыв, что когда-то согласился.

Никакого скрытого долга перед Вселенной не существовало.

Источник не нуждался в его жертве.

- Сколько нас?

- Ты знаешь, что Совет не отвечает на этот вопрос.

- Тысячи?

Она молчала.

- Миллионы?

По её взгляду он понял, что число больше, чем он предполагал.

- Все из высших систем?

- Нет.

Перед ним вспыхнули огни.

Разные.

Одни яркие.

Другие едва заметные.

Некоторые имели структуры, которые он никогда раньше не встречал.

- Земные души тоже проходят ускоренный цикл развития.

Многие из тех, кто воплощается здесь тысячи лет, сейчас готовы сделать шаг, ради которого им не нужен никакой внешний наставник.

Натхор долго смотрел на эти огни.

- Значит, мы не приходим их спасать.

- Нет.

- Тогда что мы делаем?

Ответ оказался простым.

- Вспоминаем первыми.

Он почувствовал, как смысл этих слов входит глубже.

Не учителя над учениками.

Не небесная аристократия среди земных душ.

Те, кто согласился проснуться раньше, чтобы своим примером напомнить остальным, что пробуждение вообще возможно.

- А другая сторона?. спросил он.

Пространство изменилось.

На мгновение Земля потемнела.

Не физически.

Он увидел структуры, уходящие глубже человеческих государств и институтов.

Очень старые.

Некоторые существовали ещё тогда, когда он был Натхором.

Другие пришли позже.

- Они знают о переходе?

- Некоторые.
- И будут сопротивляться.
- Уже сопротивляются.
- Совет позволит?
- Пока сохраняется свобода выбора.
- Даже если они будут убивать?
- Совет имеет границы невмешательства. Они тоже.
- А если нарушат?

Женщина посмотрела прямо на него.

- Тогда это уже другой разговор.

Натхор хотел спросить ещё.

Об Орионе.

О древних договорах.

О тех, кто когда-то выбрал путь технологического господства и почти уничтожил собственные миры.

О цивилизациях, которые научились управлять материей, не научившись управлять собой.

Но почувствовал ограничение.

Не запрет.

Просто время этих знаний ещё не пришло.

Это будет потом.

Если он вспомнит достаточно.

Если вообще дойдёт до этого.

Сейчас была Земля.

Только Земля.

Он посмотрел вниз.

На ночной стороне планеты медленно двигалась линия
рассвета.

Где-то там люди просыпались.

Наливали кофе.

Опаздывали на работу.

Проверяли сообщения.

Ругались с близкими.

Рождались.

Умирали.

Строили планы.

Верили новостям.

Не верили никому.

Покупали вещи, которые им были не нужны.

Мечтали о жизни, которую откладывали на потом.

Любили.

Боялись.

И среди них уже были те, кто начинал чувствовать стран-
ное.

Будто привычный мир больше не объясняет самого себя.

Будто что-то слишком большое приближается к границе
сознания.

Будто они всю жизнь пытались вспомнить слово, которое
когда-то знали.

- Когда?

- Сейчас.

- Где?

Пространство перед ним вспыхнуло.

Но координаты он уже не успел увидеть.

Начался процесс разделения.

Сначала исчезло ощущение огромности.

Потом память о тысячах жизней стала отдаляться, словно кто-то медленно закрывал одну дверь за другой.

Знание звёздных систем превратилось в смутные образы.

Лица Совета начали терять форму.

Он попытался удержать их.

Не смог.

Исчезали имена.

Миры.

Линии прожитых жизней.

Связи, которые ещё мгновение назад казались настолько естественными, что он даже не замечал их существования.

И тогда появился страх.

Настоящий.

Не тот страх, который можно было рассмотреть со стороны, понять его причину и пропустить через себя.

Этот пришёл вместе с ощущением, что исчезает он сам.

До воплощения забвение всегда казалось простой частью перехода.

Условием.

Правилом игры, которое душа принимает добровольно.

Но только оказавшись на самой границе, он почувствовал цену собственного согласия.

Ещё немного. и он забудет, что когда-либо стоял здесь.

Забудет Землю под собой.

Забудет Совет.

Забудет Натхора.

Забудет даже то, что согласился забыть.

И впервые за всё время ему захотелось остановить процесс.

- Подожди.

Женщина смотрела на него.

Её лицо уже расплывалось в свете.

- Я хочу ещё раз услышать условия.

Голос пришёл словно из огромной глубины.

- Ты войдёшь без доказательств.

Исчезли звёзды.

- Без памяти о том, кем был.

Исчез Натхор.

- Без знания своей задачи.

Исчез Совет.

- Без гарантии, что сумеешь проснуться.

Осталась только точка света.

Страх усилился.

На мгновение ему показалось, что сейчас исчезнет и она.

И тогда произошло то, чего он не ожидал.

Свет не погас.

Он приблизился.

Сначала Натхор почувствовал тепло в груди.

Очень тихое.

Почти незаметное.

Затем оно разошлось по всему его существу мягкой волной, и вместе с ним пришло присутствие, которое невозможно было спутать ни с голосом Совета, ни с собственной мыслью.

Это был свет.

Но не тот свет, которым сияют звёзды.

Он был живым.

Разумным.

Бесконечно близким.

В нём не было приказа, обещания или попытки удержать его от выбора.

Только любовь.

Такая огромная, что на одно мгновение исчезло само ощущение одиночества.

Натхор не увидел лица.

Не услышал имени.

Но понял.

Источник.

Он не пришёл спасти его от страха.

Не отменил забвение.

Не вернул память.

Он просто был рядом.

И этого оказалось достаточно.

Живая волна света обняла его со всех сторон, прошла

сквозь него и остановилась теплом в самой глубине груди.

Натхор вдруг почувствовал то, что невозможно было сохранить как воспоминание и невозможно было полностью потерять.

Не знание.

Не образ.

Не слово.

Ощущение.

Где бы он ни оказался, насколько бы далеко ни ушёл, каким бы одиноким себя ни почувствовал, дорога к Источнику не исчезнет.

Её можно забыть.

Можно отвернуться.

Можно провести целую жизнь, убеждая себя, что её никогда не существовало.

Но если однажды душа снова выберет движение к ней, любовь ответит.

Не потому, что душа избрана.

Потому что она живая.

Страх не исчез полностью.

Но теперь внутри него было нечто большее.

Тепло.

Он перестал сопротивляться.

- Ты будешь иметь то же право, что имеют все люди Земли, - донёсся последний голос.

Точка света становилась меньше.

- Какое?

Ответ он услышал уже почти человеком.

- Выбирать.

И в тот момент, когда исчезло последнее воспоминание о том, кто задал этот вопрос, тепло в груди осталось.

* * *

Телефон завибрировал в темноте.

Он резко открыл глаза.

Несколько секунд не понимал, где находится.

Потолок.

Комната.

Шторы.

Серое утро.

Где-то за стеной шумела вода.

На экране телефона было 07:10. Он машинально выключил будильник.

Он лежал неподвижно, прижав ладонь к груди.

Там было тепло.

Странное, глубокое, почти физическое.

Такое, словно ещё секунду назад кто-то держал его в объятиях.

Он не знал кто.

И не мог вспомнить откуда пришло это ощущение.

Но впервые за очень долгое время ему не хотелось сразу встать.

Он закрыл глаза и попытался удержать хотя бы остаток

сна.

Земля.

Какие-то люди.

Свет.

Женщина.

И ещё что-то.

Самое важное.

Не слова.

Ощущение, что он не один.

Телефон снова завибрировал.

Тепло медленно растворялось в привычном утре, но где-то глубоко внутри оставалась едва заметная точка.

Он ещё не знал, что будет чувствовать её всю жизнь.

Иногда во сне.

Иногда в моменты полной безысходности.

Иногда перед выбором, который никто кроме него сделать не сможет.

И каждый раз она будет возникать одинаково.

Не как приказ.

Как ответ.

И только тогда заметил собственную правую руку.

На внутренней стороне ладони краснел след.

Будто ночью он сжимал что-то острое.

Но никакого предмета рядом не было.

Он поднёс ладонь ближе.

Четыре тонкие линии пересекались в центре, образуя

странный знак.

Он смотрел на него молча.

Потом взял телефон.

Сфотографировал.

Через секунду приложение распознало изображение и предложило поиск.

Результатов не было.

Он уже собирался закрыть экран.

И увидел уведомление из социальной сети.

Незнакомая девушка из другого города опубликовала фотографию рисунка своего шестилетнего сына.

Под фотографией была подпись:

«Кто-нибудь знает, что это значит? Он рисует этот знак уже третью неделю».

На листе бумаги был тот же символ.

Он отложил телефон, закрыл глаза всего на минуту и сам не заметил, как снова провалился в сон.

ГЛАВА 1. МАКСИМ

Максим проснулся второй раз в 7:26.

Первый будильник он, судя по всему, выключил не приходя в сознание. Телефон лежал под подушкой, хотя вечером он точно оставлял его на тумбочке.

За окном был обычный московский август.

Серое небо висело над домами, асфальт после ночного дождя блестел, машины уже тянулись вдоль проспекта плотным потоком. Где-то внизу кто-то раздражённо сигналил. На противоположном доме медленно поднималась строительная люлька.

Максим несколько секунд смотрел в потолок, пытаясь понять, почему сердце бьётся так, словно он только что откуда-то вернулся.

Сон.

Был какой-то сон.

Очень длинный.

Он закрыл глаза.

Темнота.

Потом свет.

Люди.

Огромная голубая планета.

Женщина, лица которой он не мог вспомнить.

И странное ощущение, что перед тем, как проснуться, он

согласился на что-то чрезвычайно важное.

Максим нахмурился.

Глупость.

Последние две недели он спал по пять часов. Организм вполне мог начать показывать ему что угодно.

Он сел и только тогда заметил, что всё ещё держит ладонь на груди.

Там было тепло.

Не боль.

Не давление.

Просто тепло, которое постепенно исчезало.

Максим несколько раз глубоко вдохнул.

Сердце работало нормально.

Он убрал руку и вспомнил другое.

Ладонь.

На внутренней стороне правой руки оставались четыре тонкие красные линии.

За ночь они стали бледнее, но не исчезли.

Максим провёл по ним пальцем.

Кожа была целой.

Никаких царапин.

Никаких следов крови.

Линии будто проступили изнутри.

Он взял телефон.

Фотография всё ещё была в галерее.

След на его ладони.

И следующее изображение, которое он сохранил ночью почти автоматически.

Детский рисунок.

Тот же знак.

Максим открыл публикацию.

Она была на месте.

Фотография белого листа. Несколько карандашных фигур. Дом. Человек. Огромное жёлтое солнце. И рядом повторяющийся символ из четырёх пересекающихся линий.

Подпись:

«Кто-нибудь знает, что это значит? Он рисует этот знак уже третью неделю».

Автором была женщина по имени Алина. Профиль открытый. Казань. Фотографии ребёнка, кота, какие-то семейные поездки. Ничего необычного.

Под публикацией появилось уже больше сотни комментариев.

Максим пролистал.

«Похоже на скандинавскую руну».

«Спросите у ребёнка».

«У моего сына было похожее после какого-то мультика».

«Это защита».

«Это знак перехода».

«У меня мурашки, я его тоже видела во сне».

Максим остановился.

Прочитал ещё раз.

Открыл профиль комментатора.

Женщина лет сорока. Ростов-на-Дону. Фитнес, дети, рецепты.

Под её комментарием кто-то спросил:

«Когда?»

Она ответила:

«Сегодня ночью».

Максим почувствовал неприятный холод между лопатками.

Потом усмехнулся.

Вот так и рождается любая интернет-истерия.

Один человек пишет странность, второй присоединяется, третий хочет почувствовать себя частью события, а через сутки половина сети уже вспоминает, что видела то же самое.

Он прекрасно знал, как это работает.

Последние семь лет Максим занимался данными.

Сначала в телекоме, потом в крупном банке. Сейчас официально его должность называлась «руководитель направления клиентской аналитики», хотя большую часть рабочего дня он проводил на встречах с людьми, которые рассказывали друг другу о данных вместо того, чтобы смотреть на сами данные.

Он умел находить закономерности.

А ещё знал, как легко человек принимает совпадение за закономерность, если очень хочет её увидеть.

Максим закрыл публикацию.

На экране появилась строка времени.

7:34.

- Чёрт.

Через двадцать минут ему нужно было выходить.

Он пошёл в душ.

* * *

К восьми Москва окончательно проснулась.

В лифте пахло чьими-то духами и свежей краской.

На первом этаже Максим столкнулся с соседкой из квартиры напротив. Она держала за руку девочку лет пяти, которая другой рукой прижимала к груди небольшой спортивный рюкзачок.

- Доброе утро.

- Доброе.

Девочка внимательно посмотрела на Максима.

Потом на его правую руку.

Максим машинально спрятал ладонь в карман.

- Мам, а он тоже...

Женщина мягко потянула дочь к выходу.

- Пойдём, Соня, мы на тренировку опаздываем.

Дверь закрылась.

Максим остановился.

«Он тоже» что?

Он почти вышел следом, чтобы спросить, но передумал.

Дети говорили сотню бессвязных вещей в минуту.

Не надо начинать день с поиска мистики в каждом слове.

На улице пахло мокрым асфальтом, кофе и выхлопными газами.

До метро было семь минут.

Максим купил американо в маленькой кофейне у перехода, на ходу ответил на сообщение начальника и спустился вниз.

В вагоне было тесно.

Люди стояли почти вплотную друг к другу, но каждый существовал внутри своего маленького пространства.

Телефоны.

Наушники.

Новости.

Видео.

Переписка.

Реклама на экранах над дверями обещала новую квартиру, кредит, путешествие, образование, омоложение и ещё какой-то способ наконец стать счастливым за ежемесячный платёж.

Максим поймал себя на мысли, что смотрит на людей иначе.

Не то чтобы впервые.

Просто сегодня почему-то особенно ясно видел их усталость.

Мужчина напротив держал телефон перед лицом. На экране шло видео разрушенного дома. Мужчина листнул вверх.

Кроссовки.

Ещё вверх.

Шутка.

Ещё вверх.

Чья-то смерть.

Реклама доставки.

Девушка рядом читала сообщение и едва заметно плакала, стараясь не размазать тушь.

Подросток в больших наушниках улыбался чему-то своему.

Пожилая женщина сжимала сумку обеими руками и смотрела в пол.

Максим отвернулся.

Почему-то вспомнился сон.

Не картинки.

Ощущение.

Миллиарды людей, связанных невидимыми нитями.

Он сделал глоток кофе.

«Хватит».

На станции «Белорусская» поток вынес его из вагона.

* * *

Офис занимал восемь этажей нового бизнес-центра.

Стекло, металл, турникеты, кофейные автоматы, переговорные комнаты с названиями российских городов.

Всё было устроено так, чтобы человек чувствовал себя частью чего-то большого и современного.

Максим подозревал, что именно поэтому окна здесь почти не открывались.

- Макс!

Он обернулся.

К нему быстрым шагом шёл Антон Левин, руководитель соседней команды.

Антон существовал в режиме постоянного опоздания. Даже когда приходил раньше всех.

- Ты презентацию видел?

- Какую?

- На комитет.

- У нас комитет в четверг.

Антон посмотрел на него почти с сочувствием.

- Перенесли на сегодня.

Максим остановился.

- Кто?

- Они.

В корпоративном мире «они» было универсальным обозначением силы, которая могла изменить сроки, бюджет, состав команды или смысл проекта, не оставив после себя ни имени, ни объяснения.

- Конечно, - сказал Максим.

- В одиннадцать.

- Конечно.

- И Карпов хочет добавить блок по поведенческим моделям.

Максим посмотрел на часы.

8:53.

- Конечно.

Антон хлопнул его по плечу.

- Я знал, что ты обрадуешься.

Рабочий день начался.

* * *

К десяти утра сон почти исчез.

Таблицы действовали на Максима лучше любого психотерапевта.

В числах была честность, которой часто не хватало людям.

Данные могли быть неполными.

Их могли неправильно собрать.

Можно было построить неверную модель.

Но сама цифра не пыталась произвести впечатление.

Сейчас Максим смотрел на поведение нескольких миллионов пользователей.

Компания тестировала новую систему прогнозирования.

Официально она должна была помогать клиентам раньше замечать финансовые сложности и предлагать подходящие продукты.

Неофициально руководство интересовал более широкий вопрос.

Насколько точно можно предсказать решение человека до того, как он сам его примет?

Максим относился к этому спокойно.

Математика.

Паттерны.

Человек вообще гораздо предсказуемее, чем любит думать.

Покупки.

Маршруты.

Доход.

Возраст.

Привычки.

Время, когда он берёт телефон.

Новости, которые читает.

Люди, с которыми общается.

Если данных достаточно, пространство неожиданностей быстро сокращалось.

Экран мигнул.

Пришло сообщение от аналитика из его команды.

Илья: глянь сегмент 47. Там какая-то ерунда.

Максим открыл отчёт.

- Какая именно?

Илья уже стоял рядом с ноутбуком.

Двадцать шесть лет. Вечно растрёпанные волосы. Толстовка даже летом. Один из тех людей, которые могли два часа молчать, а потом одним предложением разрушить месячную работу целого департамента.

- Модель начала выделять новый кластер.

- И?

- Я сначала подумал, ошибка разметки. Но данные чистые. Максим приблизил график.

Несколько тысяч пользователей неожиданно объединялись по набору слабосвязанных признаков.

География разная.

Возраст разный.

Доход разный.

Никакой общей социально-демографической характеристики.

- Что связывает?

- Вот это смешно.

Илья открыл дополнительное окно.

- Рост поисковых запросов по нескольким темам.

- Каким?

- Сны. Повторяющиеся символы. Дежавю. Воспоминания прошлых жизней. Сириус. Что-то про пробуждение.

Максим медленно повернул голову.

- Ты издеваешься?

- Я тоже сначала так подумал.

- Размер?

- Пока небольшой. Но рост аномальный.

- За какой период?

- Три недели.

Максим посмотрел на график.

Линия действительно резко уходила вверх.

- Сезонность?

- Не вижу.
- Какой-нибудь сериал вышел?
- Проверял.
- Тикток?
- Возможно. Но тогда должна быть другая возрастная структура.

Илья переключил экран.

- Смотри.

Возраст распределялся почти равномерно от двадцати до шестидесяти.

- И что модель с ними делает?
- Вот здесь вообще странно. Их поведение после появления этих запросов начинает меняться.
- В смысле?
- Снижается реакция на часть рекламных стимулов. У некоторых уменьшается импульсивное потребление. Часть закрывает кредитные карты. Кто-то меняет работу. Есть всплеск отказов от подписок.

Максим усмехнулся.

- Поздравляю. Мы обнаружили людей, которые решили экономить.
- Я серьёзно.
- Я тоже.

Илья не улыбнулся.

- Там ещё новости.
- Что новости?

- Они начинают меньше читать новостные ленты.

Максим замолчал.

- Насколько?

- Пока выборка маленькая. Но существенно.

- Политика?

- Не зависит.

- Возраст?

- Нет.

- Регион?

- Нет.

- Доход?

- Тоже.

Максим ещё раз посмотрел на график.

- Выгрузи сырые данные.

- Уже.

- И никому пока не отправляй.

- Почему?

Максим пожал плечами.

- Потому что я хочу сначала понять, что мы вообще видим.

Илья кивнул и вернулся к своему столу.

Максим остался перед экраном.

Сны.

Символы.

Сириус.

Он почувствовал, как правая ладонь начала едва заметно

покалывать.

Максим медленно разжал пальцы.

След почти исчез.

Он открыл браузер.

Некоторое время смотрел на поисковую строку.

Потом напечатал:

одинаковые символы во сне август 2026

Результатов оказалось неожиданно много.

Форумы.

Социальные сети.

Видео.

Часть публикаций была откровенным мусором.

«Портал 8 -8».

«Квантовый переход Земли».

«Послание Плеяд».

«Активация ДНК».

Максим поморщился.

И уже собирался закрыть окно, когда увидел фотографию.

На ней был лист бумаги.

Четыре линии.

Тот же знак.

Публикация появилась два дня назад.

Автор находился в Новосибирске.

Максим открыл следующую.

Санкт-Петербург.

Ещё одну.

Алматы.

Варшава.

Тбилиси.

Берлин.

Рио-де-Жанейро.

Он убрал руку с мыши.

Это всё ещё ничего не доказывало.

Изображение могло распространяться по сети.

Кто-то увидел его и повторил.

Кто-то подхватил.

Обычный меметический эффект.

Максим знал десятки таких историй.

Но одна деталь ему не нравилась.

Самые ранние публикации не ссылались друг на друга.

И некоторые появились до поста женщины из Казани.

Он открыл поиск по изображениям.

Двенадцать дней назад.

Перу.

Потом Канада.

Потом Индия.

Максим приблизил одну фотографию.

Рисунок был сделан ребёнком.

Под ним стояла дата.

Он почувствовал то же тепло в груди, что утром.

На секунду офис исчез.

Не буквально.

Просто весь окружающий шум стал далёким.

Разговоры.

Клавиатуры.

Кофемашина.

Телефонные звонки.

И среди этого на мгновение возникло абсолютно ясное чувство.

Ты уже видел это раньше.

Максим резко закрыл страницу.

Сердце ускорилося.

- Отлично, - тихо сказал он. - Теперь ещё и голоса.

Но это не было голосом.

Он прекрасно это понимал.

Скорее мыслью, которая появилась слишком целой.

Не придуманной.

Вспомненной.

Телефон завибрировал.

Сообщение от матери.

Ты в воскресенье приедешь?

Максим несколько секунд смотрел на экран.

Обычная жизнь вернулась.

Да.

Он отправил ответ.

Следом пришло сообщение от банка.

Платёж по ипотеке будет списан завтра.

Потом рабочий чат.

Потом напоминание о комитете.

Максим закрыл браузер.

Вот его реальность.

Ипотека.

Работа.

Мать.

Совещания.

Москва.

А не Сириус, знаки и дети, которые рисуют неизвестные символы.

В 10:47 он взял ноутбук и пошёл в переговорную.

* * *

Комитет продолжался почти два часа.

Восемь человек обсуждали, как сделать клиентов финансово устойчивее, одновременно увеличив выручку на клиента.

Максим большую часть времени молчал.

На экране сменялись диаграммы.

Конверсия.

Удержание.

Персонализация.

Предиктивные модели.

В какой-то момент выступающий сказал:

- Наша задача не ждать, когда у человека сформируется потребность. Мы должны понимать её раньше него.

Максим поднял глаза.

Фраза была абсолютно нормальной.

Он слышал подобные сотни раз.

Но сегодня она почему-то прозвучала иначе.

- Насколько раньше?.. спросил он.

Все посмотрели на него.

Карпов пожал плечами.

- Чем раньше, тем лучше.

- Допустим, модель знает, что человек через месяц захочет уволиться.

- Отлично.

- И мы знаем, какой стимул заставит его этого не делать.

- Если это влияет на наш продукт, да.

- Тогда где проходит граница?

На несколько секунд стало тихо.

Карпов улыбнулся.

- Какая граница?

- Между прогнозированием поведения и управлением поведением.

Антон рядом слегка повернул голову.

Максим понял, что вопрос прозвучал странно.

Карпов пожал плечами.

- Максим, рекламная индустрия существует сто лет.

- Я не про рекламу.

- А про что?

Максим хотел ответить.

И вдруг понял, что не знает.

Перед глазами на мгновение возникли миллиарды тонких нитей вокруг Земли.

Он моргнул.

Исчезли.

- Ни про что, - сказал Максим. - Продолжайте.

Карпов ещё секунду смотрел на него, потом вернулся к презентации.

Антон наклонился.

- Ты сегодня какой-то философ.

- Не выспался.

- Видно.

* * *

После работы Максим не поехал домой сразу.

Он вышел на Белорусской и почти час шёл без цели.

Москва была переполнена людьми.

Летние веранды.

Курьеры.

Такси.

Музыка из открытых дверей ресторанов.

Смеющаяся компания возле бара.

Девушка фотографировала себя на фоне старого дома.

Двое мужчин спорили возле машины.

Город жил.

И чем дольше Максим шёл, тем сильнее его преследовало ощущение, которое он никак не мог сформулировать.

Будто всё происходящее одновременно было настоящим

и не совсем.

Не декорацией.

Не симуляцией.

Скорее верхним слоем чего-то гораздо большего.

Он остановился возле витрины книжного магазина.

На стекле висел плакат с египетской выставки.

Чёрный профиль божества.

Золотые иероглифы.

Максим почувствовал резкий толчок внутри.

Мир исчез.

Жара.

Белый камень под ногами.

Запах воды.

Женский смех.

Зелёный свет, отражённый в поверхности какого-то кристалла.

Мальчик бежит по длинному коридору.

Кто-то зовёт:

- Натхор!

Максим вздрогнул.

Перед ним снова была витрина.

Мимо прошла женщина с собакой.

Машина просигналила на перекрёстке.

Он стоял неподвижно.

Несколько секунд.

Потом ещё.

«Натхор».

Слово было знакомым.

Он достал телефон.

Набрал его в поиске.

Почти ничего.

Несколько похожих сочетаний.

Египетские имена.

Хатхор.

Нат.

Нахт.

Максим убрал телефон.

Ему стало не по себе.

За сегодняшний день происходило слишком много совпадений.

А потом он увидел девушку.

Она стояла на другой стороне улицы.

Лет тридцать.

Светлые волосы собраны в хвост. Джинсы. Белая рубашка. Через плечо сумка.

Самая обычная.

Она смотрела прямо на него.

Максим оглянулся.

Может быть, не на него.

Нет.

На него.

Загорелся зелёный.

Люди пошли через дорогу.

Девушка осталась стоять.

Максим тоже.

И тогда она подняла правую руку.

Развернула ладонь.

Даже с расстояния он увидел четыре тонкие красные линии.

Тот же знак.

По телу прошла волна холода.

Девушка опустила руку.

На её лице не было улыбки.

Скорее облегчение.

Будто она искала его очень долго.

Между ними проехал автобус.

На несколько секунд он закрыл обзор.

Когда автобус исчез, девушки уже не было.

Максим перешёл дорогу.

Осмотрелся.

Люди.

Вход в метро.

Магазин.

Переулок.

Она исчезла.

Он простоял там ещё несколько минут.

Потом телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Сообщение.

Всего одна строка:

«Если ты увидел знак, не ищи его в интернете».

Максим почувствовал, как в груди снова появляется тепло.

На этот раз вместе с ним пришло другое ощущение.

Страх.

Потому что впервые за этот день произошло нечто, чему он не мог придумать разумного объяснения.

Следующее сообщение пришло через несколько секунд.

«Они уже ищут тех, кто начал вспоминать».

ГЛАВА 2. ТЕ, КТО ЗАМЕТИЛ

Максим перечитал сообщение трижды.

«Они уже ищут тех, кто начал вспоминать».

Люди продолжали идти мимо.

Кто-то торопился к метро. Курьер проскочил между прохожими на велосипеде. Две девушки остановились у витрины, которую Максим несколько минут назад рассматривал сам. Из открытой двери кафе пахло кофе и выпечкой.

Москва никак не отреагировала на то, что его реальность только что дала трещину.

Максим посмотрел на номер.

Российский.

Обычный мобильный.

Он нажал вызов.

Несколько секунд шли гудки.

Потом соединение оборвалось.

Он позвонил снова.

На этот раз механический голос сообщил, что абонент недоступен.

Максим открыл информацию о сообщении.

Ничего.

Номер не определялся ни одним из приложений.

Он набрал:

Кто вы?

Ответа не было.

Ещё сообщение:

Откуда у вас мой номер?

Тишина.

Максим поднял голову и снова посмотрел туда, где стояла девушка.

Она могла уйти в метро.

Могла свернуть во двор.

Могла сесть в такси.

Но почему тогда не подошла?

И откуда у неё был тот же знак?

Он посмотрел на свою ладонь.

Красные линии почти исчезли.

Если бы он не сфотографировал их утром, к вечеру можно было бы решить, что всё просто привиделось.

Максим сунул телефон в карман и пошёл к метро.

Через несколько шагов остановился.

Достал его снова.

Открыл фотографию девушки из Казани с рисунком сына.

Потом фотографии из Перу, Индии, Канады.

Внутри всё протестовало против слишком очевидного вывода.

Совпадения существовали.

Массовые психогенные эффекты существовали.

Интернет прекрасно умел превращать случайный образ в глобальную историю за несколько часов.

Но утром он увидел знак на собственной руке до того, как начал искать его в сети.

Это пока оставалось единственным фактом, которому он не находил объяснения.

Максим позвонил Антону.

- Ты ещё в офисе?

- Нет. А что?

- Ничего. Хотел спросить.

- Я только что сел в машину. Ты забыл там что-то?

- Нет.

- Тогда до завтра.

Максим отключился.

Ему почему-то не хотелось возвращаться домой.

*

Он выбрал бар на Лесной улице, куда иногда заходил после работы.

Место было достаточно шумным, чтобы затеряться среди людей, и достаточно спокойным, чтобы открыть ноутбук и не выглядеть идиотом.

Максим заказал бургер, минералку и сел в дальнем углу.

Алкоголь брать не стал.

Сегодня ему хотелось быть абсолютно уверенным, что всё происходящее он воспринимает трезво.

Ноутбук подключился к сети.

Максим открыл корпоративный доступ.

Система запросила второй фактор.

Он подтвердил вход.

Выгрузка Ильи лежала там, где должна была.

Сегмент 47.

Максим скачал обезличенные данные и начал смотреть.

Десять минут.

Двадцать.

Сорок.

Постепенно окружающий шум перестал существовать.

Работа всегда действовала на него одинаково.

Когда перед глазами появлялась структура, тревога отступала.

Здесь хотя бы существовали числа.

Числа не знали о Сириусе.

Не рисовали знаки детям.

Не присылали сообщения с неизвестных номеров.

Максим разбил выборку по возрасту.

Ничего.

По городам.

Ничего.

По доходу.

По полу.

По профессиям.

Связи были слишком слабыми.

Он попробовал другую модель.

Результат повторился.

Людей действительно объединяло не происхождение и не

социальное положение.

Их объединяло изменение поведения.

Причём изменение начиналось практически одновременно с появлением определённого набора поисковых запросов.

Максим открыл временную шкалу.

Сначала человек начинал искать что-то необычное.

Чаще всего сны.

Потом появлялись запросы о повторяющихся символах.

У некоторых встречались слова «Сириус», «память души», «ощущение чужой жизни», «я это уже видел».

Через несколько дней менялось поведение.

Меньше новостей.

Меньше коротких видео.

Реже спонтанные покупки.

Чаще запросы, связанные с переобучением, сменой профессии, психологией, медитацией, благотворительностью.

Максим нахмурился.

Последний показатель ему не понравился.

Не потому, что в нём было что-то плохое.

Потому что выглядело это слишком красиво.

Так не бывает.

Люди не превращаются одновременно в лучшую версию себя из-за странного сна.

Он расширил параметры.

Картина сразу стала менее романтической.

У части сегмента росли тревожные запросы.

«Со мной что-то не так».

«Как понять, что у тебя психоз».

«Почему кажется, что мир ненастоящий».

«Панические атаки ночью».

«Дереализация».

У нескольких человек резко вырос интерес к эзотерическим каналам.

У других к религиозным сообществам.

Кто-то начинал скупать курсы по «активации ДНК», «вспоминанию звёздного происхождения» и «переходу в пятое измерение».

Максим откинулся на спинку кресла.

Вот.

Это уже больше похоже на людей.

Тот же внутренний импульс мог привести в совершенно разные места.

Один человек начинал менять жизнь.

Другой платил двадцать тысяч рублей женщине в интернете, обещавшей открыть ему портал на Плеяды.

Третий пугался и шёл к врачу.

Четвёртый просто забывал произошедшее через неделю.

Максим посмотрел на график ещё раз.

Станным оставалось другое.

Сам импульс.

Почему одновременно?

Он открыл географию первых запросов.

Самые ранние точки находились далеко друг от друга.
Никакого очевидного эпицентра.

Москва.

Кейптаун.

Сан-Паулу.

Мельбурн.

Осака.

Париж.

Дели.

Буэнос-Айрес.

Разница между первыми случаями составляла часы.

Интернет-тренд мог распространяться быстро.

Но для него должен существовать источник.

Максим начал искать.

*

В девять вечера принесли второй чайник чая.

Бургер давно остыл.

Максим почти не притронулся к нему.

Он строил граф распространения.

Каждый публичный пост можно было связать с предыдущими упоминаниями.

Репост.

Комментарий.

Видео.

Ссылка.

Рекомендация алгоритма.

Постепенно возникала сеть.

Но у неё не было центра.

Несколько самых ранних публикаций появились независимо друг от друга.

Люди не были подписаны на одинаковые каналы.

Не состояли в общих сообществах.

Не говорили на одном языке.

Максим проверил изображения.

Знаки немного отличались.

Детали.

Угол линий.

Толщина.

Но структура оставалась одной.

Четыре линии сходились в центре и образовывали фигуру, которую человеческий глаз почему-то воспринимал как движение.

Максим увеличил изображение.

Странное ощущение возникло снова.

Он точно знал этот знак.

Не узнавал.

Знал.

Разница была небольшой, но принципиальной.

Если человек видит старый логотип, возникает узнавание.

Здесь чувство приходило раньше мысли.

Будто память находилась не в голове.

Максим закрыл изображение.

В этот момент пришло сообщение от Ильи.

Ты ещё смотришь 47?

Максим ответил:

Да.

Три точки появились почти сразу.

У нас проблема.

Максим набрал его.

Илья ответил после первого гудка.

- Что случилось?

- Ты кому-нибудь говорил про кластер?

- Нет. А ты?

- Нет.

- Тогда что?

Илья помолчал.

- В логи кто-то заходил.

- В какие?

- В наши.

Максим выпрямился.

- Администратор?

- Сначала так подумал. Но запрос странный.

- Насколько?

- Кто-то сегодня в шестнадцать двенадцать выгрузил список признаков по сегменту.

Максим посмотрел на часы.

Девять двадцать семь.

- Кто?

- Сервисная учётка.

- Какая?

Илья назвал набор букв и цифр.

Максим записал.

- Знаешь её?

- Нет. Проверил каталог. Она не наша.

- Безопасность?

- Может быть.

- Они имеют доступ.

- К данным да. Но зачем им модель?

Максим ничего не ответил.

- Макс?

- Я здесь.

- Есть ещё кое-что.

- Говори.

- Они запросили историю сегмента раньше, чем мы его сегодня обсуждали.

Максим почувствовал, как внутри что-то сжалось.

- Когда?

- В восемь семнадцать утра.

Он вспомнил.

В 8:53 он вошёл в офис.

Илья показал ему кластер примерно через час.

- Ты обнаружил его когда?

- Вчера модель пересчиталась ночью. Я утром увидел.

- Во сколько?

- Около девяти двадцати.
- Значит, кто-то увидел его раньше тебя.
- Получается.
- Автоматический мониторинг?
- Возможно.
- Тогда ничего необычного.
- Да.

Голос Ильи звучал так, словно он сам не верил в собственное объяснение.

Максим посмотрел на неизвестный номер в истории сообщений.

«Они уже ищут тех, кто начал вспоминать».

- Илья.
- Что?
- Скинь мне логи.
- Ты сейчас серьёзно?
- Да.
- Это уже доступы безопасности.
- Просто скинь то, что видел.

Пауза.

- Хорошо.
- И больше сегодня ничего не делай.
- Почему?

Максим посмотрел в окно.

За стеклом люди сидели за столиками, разговаривали, смеялись.

- Потому что если это внутренний мониторинг, завтра узнаем.

- А если не внутренний?

- Тогда тем более не надо тыкать палкой.

Илья тихо засмеялся.

- Ты сейчас звучишь как человек из плохого сериала.

- День располагает.

Они отключились.

Через минуту пришёл файл.

Максим открыл его.

Строка запроса.

Время.

Служебная учётная запись.

Объект.

Сегмент 47.

Ещё одна строка.

Ещё.

Максим пробежал глазами параметры.

Возраст.

Регион.

Поведенческие изменения.

Поисковые категории.

Потом увидел поле, которого в их модели не было.

VISUAL_MARKER_MATCH

Он перечитал.

Совпадение визуального маркера.

Максим приблизил экран.

Это не могло относиться к их модели.

Они вообще не анализировали изображения в этом сегменте.

Он позвонил Илье снова.

- Ты видел последнее поле?

- Какое?

- Visual marker match.

Тишина.

- Нет.

- Оно в запросе.

- У нас нет такой переменной.

- Я знаю.

- Может, другой источник данных?

- Возможно.

- Что за маркер?

Максим смотрел на фотографию своей ладони.

- Понятия не имею.

Он соврал слишком быстро.

Илья это услышал.

- Макс.

- Что?

- Ты что-то знаешь?

Максим хотел рассказать.

Про сон.

Про девочку.

Про девушку возле книжного магазина.

Про сообщение.

Но представил, как это будет звучать.

Руководитель аналитики звонит сотруднику вечером и объясняет, что корпоративная безопасность, возможно, разыскивает людей со знаком на ладони, потому что они начинают вспоминать жизнь на Сириусе.

- Нет, - сказал Максим. - Пока ничего.

*

Домой он приехал после десяти.

Во дворе было тихо.

Несколько окон светились.

На детской площадке никого.

Максим подошёл к подъезду и вдруг вспомнил утреннюю соседку.

Соню.

«Мам, а он тоже...»

Он остановился у двери.

Пятый этаж.

Квартира напротив.

Он никогда не знал, как зовут женщину. Они здоровались в лифте, иногда придерживали друг другу дверь. На этом соседские отношения заканчивались.

Максим поднялся.

Перед собственной дверью постоял несколько секунд.

Потом повернулся к соседней.

«Это идиотизм».

Он нажал звонок.

Через несколько секунд дверь открылась.

Женщина была в домашней футболке, волосы собраны.

Увидев Максима, удивилась.

- Добрый вечер.

- Извините, что поздно.

- Что-то случилось?

- Нет. Я хотел спросить про утро.

Она напряглась.

Совсем немного.

Но Максим заметил.

- Про какое утро?

- Когда мы встретились внизу. Соня что-то сказала.

- Дети постоянно что-то говорят.

- Она сказала: «А он тоже».

Женщина несколько секунд смотрела на него.

- Вы ради этого позвонили в одиннадцать вечера?

- Десять двадцать.

- Это сильно меняет ситуацию.

Максим улыбнулся.

- Извините.

Она уже собиралась закрыть дверь.

Из глубины квартиры послышался детский голос:

- Мам, кто там?

Женщина обернулась.

- Никто, солнышко. Иди спать.

Соня появилась в коридоре.

На ней была длинная футболка с каким-то мультяшным зверем.

Она увидела Максима.

Замерла.

Потом улыбнулась.

- У тебя прошло.

Мать резко посмотрела на неё.

Максим почувствовал холод.

- Что прошло?

Соня показала на его руку.

- Светилось.

- Соня.

Голос матери стал жёстче.

Девочка замолчала.

Максим присел, чтобы оказаться с ней примерно на одном уровне.

- Что светилось?

- Рука.

- Когда?

- Утром.

- Как?

Соня задумалась.

- Как дорожка.

- Какая дорожка?

Девочка посмотрела на мать.

Та покачала головой.

- Всё. Хватит.

- Подождите.

- Максим, я не знаю, что у вас происходит, но не надо втягивать в это ребёнка.

Он впервые услышал от неё своё имя.

- Откуда вы знаете, как меня зовут?

Женщина посмотрела так, будто вопрос был совсем глупым.

- Мы пять лет живём напротив.

- Логично.

Он выпрямился.

- Простите.

Дверь начала закрываться.

И тут Соня сказала:

- А тётя тоже светилась.

Дверь остановилась.

Мать побледнела.

Максим почувствовал это раньше, чем успел осознать.

- Какая тётя?

Соня опустила глаза.

- Которая приходила.

- Когда?

Мать взяла дочь за плечи.

- Спать.

- Сегодня?

Женщина посмотрела на Максима.

Теперь в её взгляде был настоящий страх.

- Уходите.

- Кто приходил?

- Я сказала, уходите.

- Она была светловолосая?

Женщина захлопнула дверь.

Замок повернулся.

Максим остался в коридоре.

*

Он вошёл в квартиру и сразу заперся.

Это было нелепо.

Если кто-то действительно хотел попасть внутрь, обычный дверной замок едва ли решал проблему.

Но движение успокаивало.

Максим включил свет.

Квартира встретила его привычной тишиной.

Две комнаты.

Кухня.

Рабочий стол возле окна.

Полки с книгами, которые он покупал быстрее, чем успевал читать.

На стене фотография с родителями, сделанная лет семь назад.

Отец тогда ещё был жив.

Максим снял пиджак и бросил на кресло.

Подошёл к холодильнику.

Открыл.

Закрыл.

Пить не хотелось.

Есть тоже.

Телефон снова оказался в руке.

Номер молчал.

Максим написал:

Сегодня к моей соседке приходила женщина?

Ответ появился через несколько секунд.

Да.

Максим уставился на экран.

Кто она?

Пауза.

Та, которая пыталась предупредить тебя.

Почему не подошла?

Долго ничего.

Потом:

Потому что за ней следили.

Максим сел.

Кто?

Ответ:

Ты задаёшь неправильный вопрос.

Он почувствовал раздражение.

Страх неожиданно отступил.

- Ну конечно.

Он напечатал:

Тогда сформулируйте правильный.

Сообщение прочитали.

Прошла минута.

Вторая.

Наконец экран загорелся.

Не кто вас ищет.

Следующее сообщение:

А как они узнают, кто начал вспоминать.

Максим замер.

Перед глазами возникло поле в логах.

VISUAL_MARKER_MATCH

Он быстро написал:

Знак?

Ответ пришёл мгновенно.

Один из признаков.

Какие ещё?

Сны. Поведение. Изменение реакции на информационные поля. Спонтанные воспоминания. Совпадения между людьми, которые никогда не встречались.

Максим перечитал.

Это почти точно соответствовало сегменту 47.

Откуда вы знаете про модель?

Тишина.

Он написал снова:

Вы работаете в банке?

Ответа не было.

В службе безопасности?

Ничего.

Кто вы?

Через минуту:

Человек, который вспомнил раньше тебя.

Максим откинулся на спинку стула.

За окном двигались огни машин.

Он почему-то вспомнил слова из сна.

«Вспоминаем первыми».

Фраза всплыла почти полностью.

Откуда?

Он закрыл глаза.

Голубая Земля.

Женщина.

Свет.

И ощущение бесконечного пространства.

Потом всё рассыпалось.

Максим открыл глаза.

Что именно я должен вспомнить?

На этот раз ответ долго не приходил.

Когда телефон загорелся, там было только:

Не должен.

Следом:

В этом весь смысл.

Максим почувствовал, как по груди распространяется знакомое тепло.

Он уже начинал его бояться.

Потому что оно появлялось каждый раз, когда слова или события касались чего-то, что он не мог вспомнить разумом.

Он положил ладонь на грудь.

Тепло стало сильнее.

И вместе с ним пришло неожиданное спокойствие.

Не объяснение.

Просто ощущение, что сейчас ему не нужно принимать никаких решений.

Можно остановиться.

Дышать.

Не доказывать себе, что всё происходящее реально.

Не убеждать себя в обратном.

Просто наблюдать.

Эта мысль почему-то показалась самой разумной за весь день.

Максим написал:

Я хочу встретиться.

Ответ:

Пока нельзя.

Почему?

Потому что ты уже попал в выборку.

Он почувствовал неприятное движение внутри.

Какую выборку?

Ответа не последовало.

*

В половине двенадцатого Максим позвонил матери.

Она ответила сонным голосом.

- Максим?

- Мам, привет.

- Что случилось?

- Ничего.

- Ты никогда не звонишь в половине двенадцатого, чтобы сказать «ничего».

- Просто хотел спросить одну вещь.

- Я слушаю.

Максим посмотрел на знак на экране ноутбука.

- Я в детстве рисовал что-нибудь странное?

- Ты сейчас серьёзно?

- Да.

- Что значит странное?

- Знаки. Повторяющиеся рисунки. Что-то такое.

Мать молчала.

- Мам?

- Почему спрашиваешь?

Слишком быстро.

Максим сразу это заметил.

- Значит, рисовал.

- Все дети рисуют ерунду.

- Что именно?

- Максим, уже поздно.

- Мам.

Она вздохнула.

- Был какой-то период.

Он встал.

- Какой?

- Тебе лет пять, наверное. Может, шесть.

- Что я рисовал?

- Звёзды.

- Какие звёзды?

- Господи, откуда я помню.

- Постарайся.

Долгая пауза.

- Одну особенно часто.

Максим почувствовал, что ладонь снова начала покалывать.

- Какую?

- Ты говорил, что это твой дом.

В комнате стало очень тихо.

- Я говорил «дом»?

- Да.

Мать усмехнулась, но в голосе не было веселья.

- Мы ещё с отцом смеялись. Потом ты начал рассказывать, что раньше жил там.

Максим закрыл глаза.

- И?

- И ничего. Детские фантазии.

- Что за звезда?

- Я не знаю.

- Название говорил?

Мать опять замолчала.

- Мам.

- Сириус.

Слово прозвучало спокойно.

Обычное название звезды.

Но Максим почувствовал, как всё тело покрылось мурашками.

- Ты уверен, что хочешь продолжать этот разговор? - спросила мать.

Он открыл глаза.

- Почему ты спрашиваешь?

- Потому что это закончилось плохо.

- Что именно?

- Эти твои истории.

- Как?

Она долго не отвечала.

- Ты начал просыпаться ночью.

- Кошмары?

- Не совсем.

- А что?

- Ты сидел в кровати и разговаривал с кем-то.

Максим почувствовал сухость во рту.

- С кем?
- Мы не знали.
- Что я говорил?
- Разное.
- Например?
- Что вам нельзя приходить напрямую.

Максим сел.

Телефон едва не выпал из руки.

- Что?

- Я помню эту фразу, потому что она была совсем не детской.

- Ещё.

- Максим...

- Мам, пожалуйста.

Она выдохнула.

- Ты говорил, что люди снова сделали то же самое.

- Что именно?

- Не знаю. Ты плакал. Повторял, что знание опять превратили во власть.

Максим перестал дышать.

Где-то внутри памяти что-то дрогнуло.

Каменные колонны.

Жаркий воздух.

Человек в белой одежде.

Толпа перед храмом.

Закрывающиеся двери.

Ощущение поражения.

Образ исчез.

- Что потом?

- Мы отвели тебя к врачу.

- Какому?

- Сначала к обычному. Потом к детскому психологу.

- И?

- Сказали, впечатлительный ребёнок. Возможно, что-то

увидел по телевизору или прочитал.

- В пять лет?

- Ты рано начал читать.

- И это прошло?

Мать снова замолчала.

- После одного случая.

- Какого?

- Ты пропал.

Максим встал.

- Что значит пропал?

- Просто пропал. Мы были на даче. Тебя искали почти
шесть часов.

- Я ничего этого не помню.

- Конечно не помнишь.

- Где меня нашли?

- В лесу.

- Что я там делал?

Голос матери изменился.

- Сидел на поляне.

- Один?

- Да.

- И?

- Ты сказал, что тебе всё объяснили.

Максим почувствовал знакомое тепло.

На этот раз оно было сильнее.

- Кто объяснил?

- Ты не сказал.

- А потом?

- Потом перестал говорить про звёзды. Перестал рисовать.

Через несколько месяцев вообще ничего не помнил.

Максим смотрел в окно.

- Почему ты никогда мне это не рассказывала?

- Потому что ты вырос нормальным человеком.

Он почти рассмеялся.

- Спасибо.

- Я серьёзно.

- Я тоже.

- Макс, что происходит?

Вот теперь он мог рассказать.

Но не стал.

Не хотел пугать её.

- Ничего. Нашёл старые фотографии, вспомнил.

- Какие фотографии?

Он понял, что соврал плохо.

- Потом покажу.

Мать помолчала.

- Приедешь в воскресенье?

- Да.

- Тогда кое-что тебе отдам.

- Что?

- Папка с твоими детскими рисунками.

Максим замер.

- Она сохранилась?

- Я хотела выбросить её после переезда. Отец не дал.

- Почему?

- Сказал, когда-нибудь ты сам решишь, что это было.

*

После разговора Максим долго сидел без движения.

Перед ним лежали три реальности.

Первая была привычной.

Он плохо спал.

Увидел странный сон.

Интернет подкинул ему совпадения.

Дальше мозг начал собирать из них историю.

Вторая была значительно неприятнее.

Кто-то сознательно создавал вокруг него эту историю.

Имел доступ к данным.

Знал о детстве.

Знал номер телефона.

Мог взаимодействовать с соседями.

Манипуляция.

Эксперимент.

Психологическая операция.

Эта версия пугала, но оставалась понятной.

Третья не нравилась Максиму больше всего.

Потому что в ней никто не обманывал.

Он действительно когда-то был кем-то другим.

Действительно добровольно забыл.

И теперь что-то внутри начинало возвращаться.

Максим встал и подошёл к зеркалу.

Посмотрел на себя.

Тридцать восемь лет.

Тёмные волосы, которые уже начинали седеть у висков.

Усталое лицо.

Обычный московский мужчина.

Работа.

Ипотека.

Развод три года назад.

Несколько отношений, которые никуда не привели.

Мать, которой он обещал чаще звонить.

Отец, которому при жизни тоже обещал найти время.

Какой из него посланник Сириуса?

Максим усмехнулся своему отражению.

- Очень убедительно.

В этот момент свет в квартире погас.

Он замер.

Через окно продолжал проникать свет города.

Значит, не район.

Только квартира.

Максим достал телефон и включил фонарик.

Пошёл к щитку.

Автомат был включён.

Телефон завибрировал.

Сообщение.

Не от неизвестного номера.

Корпоративная почта.

Тема:

Обязательная встреча. 09:00.

Отправитель:

Управление внутренней безопасности.

Максим открыл письмо.

Текст был коротким.

Максим Сергеевич, добрый вечер. Просим вас завтра в 09:00 подойти в переговорную 14-07. Встреча касается работы вашей команды с отдельными поведенческими моделями. Просьба до её проведения не осуществлять дополнительных выгрузок и не обсуждать указанные модели с сотрудниками.

Ниже стояла фамилия, которой Максим раньше не видел.

Виктор Андреевич Соколов.

Телефон снова завибрировал.

Теперь неизвестный номер.

Не бери с собой ноутбук.

Максим прочитал.

Следующее сообщение:

И не говори им о знаке.

Свет в квартире включился.

Одновременно.

Без щелчка автомата.

Максим медленно поднял голову.

На экране ноутбука, который он точно оставил заблокированным, была открыта фотография.

Его собственная детская фотография.

Лет пять.

Он сидел на полу перед большим листом бумаги.

Рядом молодой отец смотрел куда-то за пределы кадра.

А Максим рисовал.

Четыре линии сходились в одной точке.

Тот же знак.

Под ним детской рукой была нарисована большая звезда.

В углу листа отец когда-то написал дату.

17 августа 1993 года.

А ниже ещё одно слово.

Сириус.

ГЛАВА 3. СИСТЕМА НАБЛЮДЕНИЯ

Максим почти не спал.

Он несколько раз вставал, подходил к ноутбуку, снова открывал детскую фотографию и пытался понять самое простое.

Откуда она взялась.

Файла не было ни в облаке, ни в папках на компьютере, ни в старых переписках.

Максим проверил историю загрузок.

Ничего.

Журнал событий.

Ничего очевидного.

Входы в систему.

Только его собственная учётная запись.

Можно было предположить удалённый доступ.

Но тогда возникал следующий вопрос.

Кому понадобилось взламывать его ноутбук ради фотографии, которая лежала у матери в бумажной папке?

Если вообще лежала.

Максим увеличил изображение.

Отец.

Совсем молодой.

Лет тридцать пять.

Он сидел сбоку на ковре и смотрел не на Максима, а куда-то вправо, будто разговаривал с человеком за кадром.

Максим не помнил эту квартиру.

Наверное, старая двушка в Чертаново, из которой родители уехали, когда ему было семь.

Перед пятилетним Максимом лежал большой лист.

Несколько звёзд.

Круги.

Линии.

И знак.

Тот самый.

Под ним действительно было написано:

Сириус.

Почерк отца.

Максим помнил его хорошо.

Особенно эту странную привычку писать букву «с» почти печатной.

Подделать можно было всё.

Но зачем?

В два часа ночи он написал матери.

Ты можешь сейчас сфотографировать папку с рисунками?

Через минуту удалил сообщение.

Потом снова написал.

Удалил.

Если она спала, будить её ради собственного безумия не

хотелось.

Если не спала, он только напугает её сильнее.

В половине третьего пришло сообщение с неизвестного номера.

Не пытайся понять всё сразу.

Максим долго смотрел на экран.

Потом написал:

Вы видите, что я делаю?

Ответ пришёл быстро.

Иногда.

Как?

Так же, как они.

Максим почувствовал раздражение.

Кто «они»?

Ответа не было.

Он написал:

Если вы хотите, чтобы я вам доверял, начните говорить нормально.

Тишина.

Максим уже положил телефон, когда экран снова загорелся.

Хорошо.

Следующее сообщение пришло через несколько секунд.

Завтра тебя будут проверять. Не на лояльность банку. На реакцию.

Максим перечитал.

Какую реакцию?

На определённую информацию.

Какую?

Пауза.

Если увидишь знакомый символ, не показывай, что узнал его.

Максим сел на кровати.

Зачем?

Ответ:

Потому что тогда ты перестанешь быть наблюдателем.

И ещё одно:

И станешь объектом.

*

Утром Москва выглядела так, словно ничего не происходило.

Максим даже испытал облегчение.

Небо было яснее, чем вчера.

Августовское солнце отражалось в окнах домов.

На улице пахло горячим кофе и влажной землёй после ночного полива.

Возле подъезда курьер поправлял цепь на велосипеде.

На лавке сидел мужчина с маленькой собакой.

Обычный день.

Соседку Максим не встретил.

Дверь её квартиры была закрыта.

Он задержался возле лифта и почти нажал звонок.

Не стал.

Внизу поймал себя на том, что смотрит на людей внимательнее обычного.

Ладони.

Лица.

Поведение.

Никаких светящихся знаков.

Никаких странных женщин.

Максим усмехнулся.

Если бы не сообщения, детская фотография и вчерашние логи, он уже начал бы убеждать себя, что просто перегорел на работе.

В метро он впервые за много лет не открыл новости.

Телефон лежал в кармане.

Максим смотрел в окно вагона, где отражались лица пассажиров.

Усталые.

Сосредоточенные.

Сонные.

Одна женщина читала книгу.

Парень напротив смотрел короткие видео и листал их примерно раз в четыре секунды.

Рядом мужчина лет пятидесяти читал новости о новом военном конфликте.

Заголовки менялись.

Удары.

Ответные удары.

Угрозы.

Комментарии политиков.

Графики.

Карты.

Мужчина задержался на фотографии разрушенного дома,
потом пролистнул дальше.

Максим неожиданно вспомнил вчерашний сегмент.

Изменение реакции на информационные поля.

Формулировка была странной.

Не «потребление контента».

Не «частота взаимодействия».

Именно реакция.

Так мог написать человек, который смотрит на информа-
цию не как на товар.

А как на воздействие.

*

В 8:41 Максим вошёл в офис.

Обычно к этому времени этаж только начинал оживать.

Сегодня у турникетов стояли двое незнакомых мужчин.

Костюмы.

Без бейджей на виду.

Один разговаривал по телефону.

Второй проводил взглядом Максима.

Это могло ничего не значить.

Максим приложил пропуск.

Турникет открылся.

Телефон завибрировал.

Илья.

Ты уже здесь?

Да.

Не заходи ко мне.

Максим остановился.

Почему?

Ответ:

У меня сидит безопасность.

Максим посмотрел в сторону лифтов.

Что хотят?

Спрашивают про сегмент.

Что сказал?

Что модель нашла автоматически. Больше ничего.

Максим написал:

Правильно.

Через несколько секунд:

Макс, они знают про выгрузку.

Максим почувствовал, как напряглась спина.

Какую?

Ту, что я тебе скинул.

Он стёр набранный ответ.

Подумал.

Написал:

Ничего не удаляй. И ничего больше не отправляй.

Ответа не последовало.

Лифт приехал.

Максим поднялся на четырнадцатый этаж.

Переговорная 14-07 находилась в конце коридора, куда он почти никогда не заходил.

Эта часть этажа была занята службой внутреннего контроля, юридическим блоком и подразделениями, названия которых звучали достаточно общо, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

В 8:57 Максим стоял перед матовой стеклянной дверью.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Помни. Ты ничего не знаешь.

Максим убрал телефон.

Постучал.

- Войдите.

*

Виктор Андреевич Соколов выглядел совсем не так, как Максим ожидал.

Не огромный мужчина с лицом следователя.

Не холодный корпоративный безопасник.

Чуть старше пятидесяти.

Среднего роста.

Седые волосы.

Спокойное лицо.

Тонкие очки.

Белая рубашка без галстука.

Он поднялся навстречу Максиму и пожал руку.

- Максим Сергеевич. Доброе утро.

- Доброе.

- Присаживайтесь.

В комнате был ещё один человек.

Женщина лет сорока.

Тёмный костюм.

Короткие волосы.

Перед ней лежал планшет.

- Елена Павловна, управление рисков, - представил её Соколов.

Женщина коротко кивнула.

На столе стояла бутылка воды и три стакана.

Никаких папок.

Никаких диктофонов.

Максим сел.

Соколов расположился напротив.

- Сразу хочу вас успокоить. Это не дисциплинарная беседа.

- Я не волнуюсь.

- Хорошо.

Он улыбнулся.

Не неприятно.

Скорее профессионально.

- Вчера ваша модель выделила несколько нетипичных по-

веденческих групп.

- Не моя. Модель команды.
- Разумеется.

Соколов открыл планшет.

- Нас интересует сегмент сорок семь.

Максим кивнул.

- Что именно?
- Что вы о нём думаете?

Вопрос был слишком простой.

- Пока ничего.
- Совсем?
- Данных недостаточно.
- Но вы продолжили анализ после окончания рабочего дня.

Максим посмотрел на него.

- Да.
- Почему?
- Мне показался интересным результат.
- Что именно?
- Отсутствие очевидной общей переменной.

Соколов кивнул.

- Вы анализировали поисковые запросы?
- Да.
- Социальные сети?
- Частично.
- Изображения?

Максим почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Лицо осталось спокойным.

- Нет.

Соколов сделал едва заметную паузу.

- Почему?

- У нас нет изображения в используемой модели.

Елена Павловна посмотрела на него внимательнее.

Соколов кивнул.

- Верно.

Он перелистнул экран.

- Ваш аналитик обнаружил доступ сторонней сервисной учётной записи.

Максим ничего не сказал.

- Он сообщил вам об этом?

- Да.

- И передал логи.

- Да.

- Почему вы не сообщили службе безопасности?

- Потому что собирался сначала понять, что произошло.

- Это не ваша зона ответственности.

- Теперь знаю.

Соколов улыбнулся.

- Вы всегда так отвечаете?

- Как?

- Формально правильно, но без чувства вины.

Максим пожал плечами.

- А чувство вины обязательно?

Елена Павловна подняла взгляд от планшета.

Соколов тихо рассмеялся.

- Нет. Даже наоборот.

Он откинулся на спинку кресла.

- Хорошо. Давайте немного изменим формат.

На стене загорелся экран.

Максим не видел, чтобы Соколов нажимал кнопку.

Появился график.

Очень похожий на тот, который вчера строил Илья.

Только значительно подробнее.

Сотни тысяч точек.

Несколько цветовых слоёв.

Динамика во времени.

География.

Максим сразу понял главное.

Это не данные банка.

Масштаб был намного больше.

- Узнаёте структуру?

- Похожа на наш сегмент.

- Похожа?

- Да.

- Насколько?

- Судя по распределению, это тот же тип поведения. Но выборка значительно шире.

Соколов посмотрел на него с интересом.

- Насколько шире?

Максим приблизился к экрану.

- Если масштаб честный, международная.

- Верно.

- Откуда данные?

- Пока неважно.

- Тогда что важно?

Соколов сменил изображение.

По карте мира начали появляться точки.

Сначала десятки.

Потом сотни.

Тысячи.

- Что вы видите?

Максим ответил сразу.

- Рост синхронного поведенческого отклонения без единого источника распространения.

- Хорошо.

- Но если это реальные данные, «отклонение» здесь условное.

- Почему?

- Потому что оно слишком устойчиво и слишком широко распределено.

Соколов кивнул.

- Продолжайте.

Максим встал и подошёл ближе к экрану.

Рабочая привычка оказалась сильнее осторожности.

- Если предположить, что это информационный тренд, должен быть источник. Или хотя бы несколько крупных узлов распространения. Здесь их нет.

- Именно.

- Значит, либо данные смоделированы, либо причина находится вне наблюдаемого информационного обмена.

Елена Павловна впервые заговорила.

- Что вы имеете в виду под «вне»?

Максим посмотрел на неё.

- Что люди приходят к похожим действиям независимо друг от друга.

- Так бывает?

- Конечно.

- В таком масштабе?

- Зависит от внешнего события.

Соколов спросил:

- Какого?

- Экономический кризис. Пандемия. Война. Изменение законодательства. Любой фактор, одинаково воздействующий на большие группы.

- Здесь такого фактора нет.

- Значит, я бы проверил, нет ли у нас пропущенной переменной.

Соколов улыбнулся.

- Именно поэтому вы здесь.

Максим вернулся на место.

- Вы хотите, чтобы я нашёл её?
- Возможно.
- Для банка?
- Нет.

В комнате стало немного тише.

Максим посмотрел на него.

- Тогда для кого?

Соколов не ответил.

Вместо этого снова переключил экран.

Появились фотографии.

Лица.

Мужчины.

Женщины.

Разный возраст.

Разные страны.

Максим почувствовал неприятное движение внутри.

- Что это?
- Люди из верхнего процента выборки.
- Какого показателя?
- Стабильности изменения.

Соколов начал перелистывать.

Учитель из Бразилии.

Инженер из Индии.

Врач из Франции.

Программист из России.

Женщина из Южной Африки.

Студент из Японии.

- После определённого момента, - говорил Соколов, - у них меняется сразу несколько параметров.

- Каких?

- Снижается внушаемость.

Максим поднял брови.

- Это как измерили?

- Косвенно.

- Очень научно.

- Я не утверждал, что это научная презентация.

Следующий слайд.

- Они слабее реагируют на эмоциональную рекламу.

Меньше вовлекаются в поляризующий контент. Реже участвуют в сетевых конфликтах. Начинают искать первичные источники информации. Повышается вероятность отказа от решений, принятых исключительно под давлением социальной группы.

Максим молчал.

Это почти точно совпадало с его собственными наблюдениями.

- И это проблема? - спросил он.

Соколов посмотрел на него.

- А вы считаете, что нет?

- Для кого?

Впервые улыбка исчезла с лица Соколова.

Он не ответил.

На экране появилась новая группа изображений.

На этот раз не лица.

Рисунки.

Символы.

Максим почувствовал, как сердце сделало один сильный удар.

Руны.

Круги.

Спирали.

Геометрические фигуры.

Детские рисунки.

Знаки на стенах.

Татуировки.

Эскизы.

Соколов продолжал перелистывать.

Максим вспомнил ночное сообщение.

Если увидишь знакомый символ, не показывай, что узнал его.

Он заставил себя смотреть спокойно.

Изображения менялись.

Один знак.

Другой.

Третий.

И наконец четыре линии.

Те самые.

На белом листе.

Максим не моргнул.

- Что это? - спросил он.

Соколов внимательно смотрел не на экран.

На него.

- Вы скажите.

Максим пожал плечами.

- Похоже на символ.

- Очень точное наблюдение.

- Вы спросили.

Елена Павловна едва заметно улыбнулась.

Соколов увеличил изображение.

- Видели раньше?

- Не помню.

Ложь прозвучала спокойно.

- Никогда?

- Возможно, где-то видел. Простая форма.

Соколов задержал взгляд ещё несколько секунд.

- Хорошо.

Экран погас.

Максим почувствовал, как мышцы спины постепенно ослабевают.

Проверка.

Его действительно проверяли.

Не на знания аналитики.

На узнавание.

*

Соколов налил себе воды.

- Максим Сергеевич, как вы относитесь к религии?

Максим чуть не улыбнулся.

- Это часть собеседования?

- Нет.

- Тогда нейтрально.

- Верите в Бога?

- Не знаю.

- Очень удобный ответ.

- Зато честный.

- В прошлые жизни?

- Нет.

- Инопланетные цивилизации?

Максим посмотрел на него.

- Вы хотите проверить мою психическую устойчивость?

Соколов снова улыбнулся.

- Допустим.

- Тогда вопросы слишком очевидные.

- Хорошо. Вы верите, что человек полностью понимает собственное сознание?

Максим задумался.

- Нет.

- Что сознание сводится к работе мозга?

- Я не специалист.

- А как человек?

- Как человек я предпочитаю не делать выводы там, где не

хватает данных.

- Вы всегда были таким?
- Каким?
- Осторожным в мировоззрении.

Максим вспомнил мать.

Сириус.

Пять лет.

Ночные разговоры.

Лес.

- Наверное.

Соколов посмотрел на него так, словно что-то отметил.

- Хорошо.

Он выключил планшет.

- На этом всё.

Максим не ожидал.

- Всё?
- Пока да.
- А модель?
- Работайте как обычно.
- С сегментом сорок семь?
- Нет.
- Почему?
- Его передадут другой группе.
- Какой?
- Это уже не ваша зона ответственности.

Максим кивнул.

- Понятно.

Он поднялся.

Соколов тоже.

- Максим Сергеевич.

- Да?

- Небольшая рекомендация.

- Слушаю.

- Если в ближайшее время вы увидите что-то необычное, не пытайтесь сразу придать этому значение.

Максим почувствовал холод.

- Например?

Соколов пожал плечами.

- Сны. Совпадения. Повторяющиеся образы.

Елена Павловна не смотрела на него.

Максим выдержал паузу.

- Почему вы решили, что я могу это увидеть?

Соколов снова улыбнулся.

- Потому что после таких проектов люди начинают замечать то, на что раньше не обращали внимания.

- Профессиональная деформация?

- Можно сказать и так.

Он протянул руку.

- Хорошего дня.

Максим пожал её.

Рука Соколова была холодной.

*

Выйдя в коридор, Максим не пошёл сразу к лифту.

Остановился возле окна.

Москва лежала внизу.

Стеклянные здания.

Дороги.

Потоки машин.

Тысячи окон.

С высоты город действительно напоминал систему.

Огромную.

Сложную.

Саморегулирующуюся.

Каждый человек внутри неё принимал решения.

И одновременно большинство решений можно было предсказать.

Максим достал телефон.

Сообщений с неизвестного номера не было.

Он написал первым.

Вы были правы.

Ответ появился почти сразу.

Показали знак?

Да.

Ты узнал?

Максим посмотрел на экран.

Нет.

Пауза.

Хороший ответ.

Максим нахмурился.

Кто такой Соколов?

Долгое молчание.

Потом:

Не знаю.

Это был первый раз, когда неизвестный собеседник ответил так прямо.

Максим написал:

Вы сказали, что они ищут нас.

Ответ:

Я сказал, что ищут тех, кто начал вспоминать. Я не сказал, что понимаю всю систему.

Это Максиму понравилось.

Хотя бы отсутствие всеведения.

Почему они отслеживают людей?

Ответ пришёл не сразу.

Потому что процесс уже происходил раньше.

Максим почувствовал, как внутри всё остановилось.

Когда?

Три точки.

Исчезли.

Появились снова.

Наконец:

Много раз.

И ещё:

Иногда локально. Иногда целыми эпохами.

Максим написал:

И что происходило?

Ответ:

Системы менялись.

Какие системы?

Религиозные. Политические. Экономические. Научные.

Максим усмехнулся.

То есть любые исторические изменения теперь объясняются звёздными душами?

Ответ:

Нет.

Следующее сообщение:

Это было бы слишком удобно.

Ещё одно:

Люди меняют мир сами. Иногда кто-то просто помогает им раньше увидеть, что старый мир больше не работает.

Максим перечитал.

Это звучало намного разумнее, чем он ожидал.

Он написал:

А сейчас?

Ответ:

Сейчас масштаб другой.

*

Илья появился только около одиннадцати.

Бледный.

Злой.

Он прошёл мимо Максима, не останавливаясь.

Через пять минут пришло сообщение.

Кофе через десять. Первый этаж.

Максим спустился.

Илья стоял возле кофейни внутри бизнес-центра.

- Что они у тебя спрашивали? - спросил Максим.

- Всё.

- Конкретнее.

- Когда модель пересчиталась. Кто увидел первым. Что я тебе отправлял. Куда ты сохранял файл. С кем обсуждали.

- Про символы?

Илья посмотрел на него.

- Какие символы?

Максим понял, что Соколов ему ничего не показывал.

- Ничего.

- Макс, ты второй день говоришь «ничего» таким тоном, что хочется вызвать экзорциста.

- Забудь.

- Не забуду.

Они взяли кофе и отошли к окну.

Илья говорил тихо.

- Они забрали сегмент.

- Знаю.

- И доступ к исходной выборке закрыли.

- Тоже ожидаемо.

- Нет, не ожидаемо. Это наша модель.

- Данные банка.

- Ты сам понимаешь, что дело не в банке.

Максим посмотрел на него.

- Почему?

Илья достал телефон.

Показал фотографию экрана.

Сделанную явно украдкой.

На снимке была внутренняя карточка передачи проекта.

Максим приблизил.

Получатель:

Проект «Контур».

- Знаешь такое? - спросил Илья.

- Нет.

- Я поискал во внутренних системах. Ноль.

- Возможно, кодовое название.

- Возможно.

Максим вернул телефон.

- Удали фотографию.

- Что?

- Удали.

- Почему?

- Потому что если они мониторят логи, то вполне могут
мониторить и устройства.

Илья посмотрел на него.

- Ты реально чего-то не договариваешь.

Максим сделал глоток кофе.

- Вчера я получил странное сообщение.

- Какое?

Он достал телефон.

Показал только одну фразу.

Они уже ищут тех, кто начал вспоминать.

Илья прочитал.

Поднял глаза.

- Это что?

- Не знаю.

- Кто прислал?

- Не знаю.

- Ты сообщил безопасности?

- Нет.

- Почему?

- Потому что сегодня они показали мне то, чего не должны были знать.

- Что?

Максим долго молчал.

Потом решил.

Не всё.

Но часть.

Открыл фотографию знака.

- Это.

Илья посмотрел.

- И?

- Я видел его до того, как модель нашла сегмент.

- Где?

- На своей руке.

Илья перестал пить кофе.

- В смысле?

- Утром.

- Нарисовал?

- Нет.

- Кто-то нарисовал?

- Нет.

- Тогда как?

- Не знаю.

Илья несколько секунд смотрел на него.

Потом спросил:

- Ты спал?

- Немного.

- Макс.

- Я понимаю, как это звучит.

- Нет, я сейчас не об этом.

Он увеличил изображение.

- Я видел этот знак.

Максим почувствовал, как в груди стало тепло.

- Где?

Илья нахмурился.

- Не помню.

- Подумай.

- Я серьёзно. Просто ощущение знакомое.

Максим молчал.

Илья посмотрел ещё раз.

- Может, логотип какой-нибудь.

- Может.

- Или игра.

- Может.

Илья вернул телефон.

Но Максим видел, что тот уже не верит в эти объяснения.

*

В обед пришло письмо.

Не корпоративное.

На личную почту.

Без темы.

Отправитель состоял из случайного набора символов.

Внутри была одна фотография.

Женщина.

Та самая, которую Максим видел вчера возле книжного магазина.

На снимке она сидела в кафе.

Светлые волосы распущены.

Смотрела прямо в объектив.

Под фотографией:

Елена Морозова. 34 года. Москва.

Ниже:

Не ищи её по имени. Данные подменены.

И ещё одна строка:

Сегодня в 19:30. Чистые пруды. Выход к памятнику Грибоедову. Если увидишь три красных зонта рядом, уходи.

Максим перечитал письмо.

Потом написал неизвестному номеру:

Это вы?

Ответ:

Нет.

Он почувствовал, как по спине прошёл холод.

Тогда кто?

Не знаю.

Через несколько секунд:

Именно поэтому я бы не шёл.

Максим посмотрел на письмо.

Но она вчера пыталась меня предупредить.

Ответ:

Возможно.

Вы её знаете?

Нет.

Тогда откуда знаете, что за ней следили?

Долгая пауза.

Потому что следили за мной тоже.

Максим написал:

Кто вы?

Ответа опять не было.

*

В 18:40 он всё ещё сидел в офисе.

Перед ним была открыта презентация, которую нужно было закончить к утру.

На экране цифры.

В голове Чистые пруды.

Илья ушёл около шести.

Антон прислал сообщение про встречу.

Карпов попросил исправить два графика.

Жизнь продолжала требовать выполнения мелких задач с удивительной настойчивостью.

В 18:52 Максим закрыл ноутбук.

Он прекрасно понимал, что ехать нельзя.

Неизвестное письмо.

Неизвестная женщина.

Неизвестная структура внутри банка.

Никаких причин считать одну сторону безопаснее другой.

Самым разумным было поехать домой.

Завтра к матери.

Забрать детские рисунки.

Собрать факты.

Никакой мистики.

Никаких встреч в парках.

Максим спустился вниз.

Вышел из бизнес-центра.

Заказал такси.

Домой.

Машина приехала через четыре минуты.

Он сел.

- Куда едем? - спросил водитель.

Максим открыл рот.

Посмотрел на время.

19:03.

- Чистые пруды.

Водитель кивнул.

- Хорошо.

Максим откинулся на сиденье.

- Идиот.

- Что? - спросил водитель.

- Ничего.

*

Он приехал в 19:26.

Людей было много.

Лето.

Вечер.

На лавках сидели компании.

Кто-то играл на гитаре.

Возле воды фотографировались туристы.

Максим медленно пошёл к памятнику.

Никаких красных зонтов.

Он проверил время.

19:29.

Телефон молчал.

19:30.

Никого.

19:32.

Максим уже решил, что это была ловушка или чья-то странная шутка.

В 19:34 рядом остановилась женщина с велосипедом.

Не та.

В 19:36 к памятнику подошла группа студентов.

Максим начал злиться.

В 19:38 телефон завибрировал.

Не оборачивайся.

Он замер.

Номер неизвестный.

Другой.

Иди к пруду.

Максим написал:

Кто это?

Ответ:

Елена.

Он пошёл.

Медленно.

Не оборачиваясь.

Сядь на третью свободную лавку.

Максим нашёл её.

Сел.

Через минуту рядом опустилась женщина в тёмных очках и бейсболке.

Светлые волосы были спрятаны.

Она смотрела прямо перед собой.

- Ты пришёл один?

Голос был тихим.

- Да.

- Телефон выключи.

- Нет.

Она впервые посмотрела на него.

- Тогда положи экраном вниз и не трогай.

Максим сделал.

- Вы Елена?

- Сейчас да.

- Очень обнадёживает.

Она почти улыбнулась.

- Я видела тебя вчера.

- Это я заметил.

- Знак появился утром?

Максим не ответил.

- Значит, да.

- Кто вы?

Елена посмотрела на воду.

- Человек, который слишком долго пытался доказать себе, что ничего не происходит.

- Очень конкретно.

- Другого ответа пока не будет.

- Тогда зачем встреча?

Она достала из сумки маленький бумажный конверт.

Положила между ними.

- Это тебе.

Максим не взял.

- Что там?

- Открой дома.

- Нет.

Елена вздохнула.

- Хорошо.

Она открыла сама.

Внутри лежала фотография.

Чёрно-белая.

Старая.

Группа людей возле археологических раскопок.

Человек двадцать.

На обороте была дата.

\1936. Египет.

Максим перевернул фотографию обратно.

- И?

Елена указала на мужчину в центре.

Археолог.

Светлая рубашка.

Шляпа в руке.

- Посмотри на его правую ладонь.

Максим приблизил фотографию к глазам.

Качество было плохим.

Но на ладони действительно виднелся тёмный знак.

Четыре линии.

- Кто это?

- Михаил Арсеньев.

- Археолог?

- Востоковед. Работал в нескольких экспедициях. В тридцать седьмом вернулся в СССР. Через год исчез.

- Репрессии?

- Официально арестован.

- А неофициально?

- Его дело до сих пор частично закрыто.

Максим вернул фотографию.

- Какое отношение он имеет ко мне?

Елена достала вторую.

Советская фотография.

Пожилой мужчина.

1974 год.

Тот же знак был нарисован на полях какого-то документа.

Третья.

Женщина в Индии.

Четвёртая.

Молодой мужчина в США.

Пятая.

Девочка.

Франция.

- Все эти люди видели один знак? - спросил Максим.

- Не только знак.
- Что ещё?
- Похожие сны.
- Сириус?

Елена посмотрела на него.

- Значит, уже дошло до этого.

Максим почувствовал раздражение.

- Перестаньте говорить со мной так, будто я ученик на эк-замене.

Она кивнула.

- Хорошо.

Ненадолго замолчала.

- Эти люди не были знакомы. Жили в разных странах. Принадлежали к разным культурам. У большинства не было интереса к эзотерике до появления первых событий.

- И что с ними произошло?

- По-разному.

- Это не ответ.

- Некоторые решили, что сходят с ума. Некоторые ушли в религию. Некоторые построили вокруг себя культы. Некоторые пытались говорить публично и быстро превращались либо в объект насмешек, либо в объект поклонения.

- А остальные?

Елена посмотрела на него.

- Исчезли из поля зрения.

- В каком смысле?

- Перестали говорить.

- Или их заставили?

Она не ответила.

Максим посмотрел на фотографии.

- И вы считаете себя одной из них?

- Нет.

- Тогда почему вы здесь?

- Потому что я видела таких людей раньше.

- Где?

- В работе.

- Где вы работаете?

- Работала.

Она помолчала.

- Аналитический центр при одной государственной структуре.

Максим повернулся к ней.

- Какой?

- Неважно.

- Для меня важно.

- Тогда считай, что я работала с большими массивами данных.

- Как я.

- Да.

- И нашли то же самое?

- Двенадцать лет назад.

Максим почувствовал, как в груди стало теплее.

- Сегмент?
- Тогда он назывался иначе.
- Как?

Елена посмотрела ему в глаза.

- Аномалия автономного поведения.

Максим почти рассмеялся.

- Красиво.
- Бюрократы умеют давать названия тому, чего боятся.
- Чего именно они боялись?

Елена ответила не сразу.

- Людей, которых становится сложнее программировать.

Максим посмотрел на воду.

- Это звучит как теория заговора.
- Конечно.
- И вас это не смущает?
- Очень долго смущало.
- А потом?
- Потом я увидела данные.
- Какие?

- Люди начинали независимо друг от друга выходить из предсказуемых моделей.

- Это нормально.
- По одному, да.

Она повернулась к нему.

- Но представь, что модель с точностью девятьюстами двумя процента знает, как человек проголосует, что купит, какую но-

вость откроет, кого обвинит в своих проблемах, какой кредит возьмёт и какую позицию займёт после трёх недель информационного давления.

Максим молчал.

- А потом точность для небольшой группы начинает падать.

- На сколько?

- До шестидесяти.

Он нахмурился.

- Это огромная потеря.

- Через несколько месяцев до пятидесяти двух.

- Почти случайность.

- Да.

- Почему?

Елена посмотрела на фотографии.

- Потому что они начинали задавать вопрос, которого раньше не задавали.

- Какой?

Она ответила тихо.

- Почему я вообще должен это выбирать?

Максим почувствовал лёгкий холод.

Не мистический.

Профессиональный.

Он слишком хорошо понимал значение такого изменения.

Предиктивная система работала, пока человек оставался внутри известного набора реакций.

Если он начинал осознавать сам механизм собственного выбора, модель теряла часть власти.

- И что вы сделали? - спросил Максим.

- Начали искать причину.

- Нашли?

- Нет.

Она посмотрела на него.

- Зато нашли людей.

*

В этот момент по дорожке прошла женщина с красным зонтом.

Максим заметил её сразу.

Солнце ещё не село.

Зонт выглядел странно.

Елена тоже увидела.

Замолчала.

Через несколько секунд появился второй.

Мужчина.

Красный складной зонт в руке.

Закрытый.

Он шёл медленно.

Максим почувствовал, как Елена напряглась.

- Вставай.

- Что?

- Уходим.

Третий красный зонт появился у входа со стороны буль-

вара.

Максим вспомнил письмо.

Если увидишь три красных зонта рядом, уходи.

- Это что, сигнал?

- Потом.

Елена поднялась.

- Не иди за мной.

- Тогда куда?

- Прямо. Через двести метров повернёшь направо.

- А ты?

- Налево.

- Подожди.

Она посмотрела на него.

В её глазах впервые был настоящий страх.

- Максим, если хочешь завтра проснуться у себя дома, сейчас не спорь.

Она ушла.

Быстро.

Но не бегом.

Максим направился в противоположную сторону.

Не оборачиваться было почти невозможно.

Он прошёл метров пятьдесят.

Сто.

Телефон завибрировал.

Елена.

Не открывай фотографии на телефоне.

Максим продолжал идти.

Следующее сообщение:

И не возвращайся сегодня домой.

Он остановился.

Почему?

Ответ появился сразу.

Потому что они уже знают, что мы встретились.

Максим поднял голову.

На другой стороне улицы стоял чёрный автомобиль.

Обычный.

Таких в Москве тысячи.

Внутри сидел мужчина.

Он смотрел прямо на Максима.

И улыбался.

Максим узнал его.

Виктор Андреевич Соколов.

ГЛАВА 4. КОНТУР

Максим остановился.

Виктор Андреевич Соколов сидел на заднем сиденье чёрного седана и смотрел прямо на него.

Стекло было опущено.

Улыбка оставалась спокойной, почти дружелюбной.

Будто они случайно встретились возле офиса.

- Максим Сергеевич.

Максим ничего не ответил.

- Не самое удачное место для вечерней прогулки.

- Мне нравится.

- Чистые пруды?

- Свежий воздух.

Соколов посмотрел на поток машин.

- В Москве?

- Что есть.

Максим продолжал стоять.

В голове одновременно возникло несколько вариантов.

Бежать.

Вернуться к людям.

Позвонить Елене.

Вызвать полицию.

Сделать вид, что он вообще не понимает, почему Соколов здесь.

Последний вариант казался наиболее разумным.

- Вы за мной следите?

Соколов слегка наклонил голову.

- Сильное слово.

- Тогда какое вам нравится?

- Наблюдаем.

- Намного лучше.

- Я знал, что вы оцените.

Передняя дверь автомобиля открылась.

Вышел мужчина лет сорока в обычной серой футболке.

Не тот, которого Максим видел утром у турникетов.

Он обошёл машину, достал из багажника бутылку воды и снова сел вперёд.

Даже не посмотрел на Максима.

Соколов заметил его взгляд.

- Если бы мы собирались вас похитить, Максим Сергеевич, всё было бы организовано несколько иначе.

- Очень успокаивает.

- Я стараюсь.

- Тогда зачем вы здесь?

Соколов посмотрел в сторону пруда.

- Хотел поговорить.

- Мы утром разговаривали.

- Утром вы ввали.

Максим почувствовал короткий удар адреналина.

Лицо осталось спокойным.

- О чём?

- Например, о символе.

Тишина улицы вдруг стала отчётливее.

Шум шин.

Голоса прохожих.

Музыка откуда-то из глубины бульвара.

- Не понимаю, о чём вы.

Соколов вздохнул.

- Продолжать можно долго. Но тогда мы оба зря потратим вечер.

- А если я просто уйду?

- Уйдёте.

Максим посмотрел на него.

- И всё?

- А что должно произойти?

- Не знаю. Обычно в таких сценах появляются двое мужчин и предлагают проехать.

Соколов усмехнулся.

- Вы слишком много смотрите сериалов.

- Последние два дня располагают.

- Это вы уже сегодня говорили.

Максим замер.

Эту фразу он произнёс Илье вечером в баре.

Соколов увидел реакцию.

- Вот теперь можно поговорить честно.

- Вы прослушиваете мой телефон?

- Иногда вопрос важнее ответа.
- Удобная философия.
- Вы аналитик. Должны понимать.

Максим достал телефон.

Сообщение Елены всё ещё было на экране.

Потому что они уже знают, что мы встретились.

Он убрал телефон в карман.

- Здесь поговорим.

Соколов посмотрел вокруг.

- Хорошо.

Он открыл дверь и вышел из машины.

Без пиджака.

Белая рубашка, тёмные брюки.

Со стороны они могли выглядеть как двое коллег, случай-но встретившихся после работы.

- Пройдёмся?

Максим пожал плечами.

Они пошли вдоль бульвара.

Машина осталась на месте.

*

Некоторое время Соколов молчал.

Максим не торопил.

Если человек специально приехал сюда, рано или поздно ему придётся начать.

- Что она вам рассказала?
- Кто?

- Елена.
- Вы же всё знаете.
- Далеко не всё.
- Тогда откуда знаете, что я с ней встречался?
- Это уже моя работа.
- А сегмент сорок семь тоже ваша работа?

Соколов посмотрел на него.

- В определённом смысле.
- Проект «Контур»?

Впервые Соколов остановился.

Совсем ненадолго.

Но Максим заметил.

- Илья, - сказал Соколов.
- Что Илья?
- Любопытный молодой человек.

Максим почувствовал раздражение.

- Его не трогайте.

Соколов посмотрел на него почти удивлённо.

- Максим Сергеевич, вы почему-то решили, что разговариваете с преступной организацией.

- А я разговариваю с сотрудником службы безопасности банка, который следит за мной после работы и знает содержание моих личных разговоров.

- Справедливо.

Они продолжили идти.

- «Контур» не принадлежит банку, - сказал Соколов.

- Я догадался.
- Банк всего лишь один из источников данных.
- Один из скольких?
- Достаточного количества.
- Государство?

Соколов не ответил.

- Частная структура?

Молчание.

- Международная?

Соколов посмотрел на него.

- Уже ближе.

Максим остановился.

- Вы серьёзно?
- К сожалению.
- Что значит «к сожалению»?
- То и значит.

Соколов подошёл к пустой лавке.

- Сядем.

Максим остался стоять.

- Я постою.
- Как хотите.

Соколов сел.

Несколько секунд наблюдал за людьми.

Мимо проехал парень на электросамокате.

За ним шла женщина с ребёнком.

У киоска двое мужчин спорили о футболе.

- Когда появился «Контур»? - спросил Максим.

- Название менялось.

- Когда появилась система?

- В той форме, которую вы видели сегодня, около двадцати лет назад.

- А до этого?

- Были отдельные программы.

- Какие?

- Исследования массового поведения. Социальной устойчивости. Радикализации. Распространения паники. Религиозных движений. Политических протестов. Культов. Массовых психогенных реакций.

- Обычная социология.

- Вначале да.

- А потом нашли людей, которых невозможно нормально прогнозировать?

Соколов посмотрел на него.

- Не невозможно. Сложнее.

- Елена сказала, что точность падала почти до случайной.

- Елена любит эффектные формулировки.

- Она соврала?

- Нет.

Максим сел на противоположный край лавки.

- Тогда что вам не нравится?

Соколов медленно провёл пальцем по краю часов.

- То, что она рассказывает вам половину истории.

- А вы расскажете вторую?

- Попробую.

Максим усмехнулся.

- Сегодня вечер откровений.

- Вы хотели нормальных ответов.

- Это другой человек писал.

Соколов посмотрел на него.

- Значит, у вас уже есть ещё один собеседник.

Максим ничего не сказал.

Соколов кивнул, будто получил подтверждение.

- Вот об этом я и говорю.

- О чём?

- Вы не знаете, кто с вами контактирует.

- А вы знаете?

- Не всегда.

- Значит, великий «Контур» тоже не всё видит.

- Никто не видит всё.

Соколов произнёс это без раздражения.

Даже устало.

И почему-то именно эта интонация заставила Максима слушать внимательнее.

- Первые годы считалось, что мы имеем дело с разнообразностью массовой психологической реакции, - продолжил он. - Новые информационные технологии дали возможность увидеть то, что раньше терялось в шуме. Людей, у которых резко менялись устойчивые поведенческие паттерны.

- И вы решили их отслеживать.
- Сначала изучать.
- Потом?
- Потом выяснилось, что некоторые изменения совпадают

во времени.

- Без информационного источника.
- Да.
- Как сейчас.
- Сейчас гораздо сильнее.

Максим вспомнил карту мира.

Тысячи точек.

- Насколько?

Соколов помолчал.

- За последние восемь месяцев число устойчивых случаев
- выросло примерно в девять раз.

Максим смотрел на него.

- Почему вы не показали это утром?
 - Потому что утром я не знал, к какой группе относитесь
- вы.

- А теперь знаете?
- Нет.

Ответ прозвучал неожиданно честно.

- Тогда что изменилось?
- Вы пришли на встречу.
- С Еленой?
- Да.

- И что это вам говорит?
- Что вы любопытнее, чем осторожнее.

Максим рассмеялся.

- Для аналитика не худший диагноз.
- Иногда худший.

*

На противоположной стороне пруда кто-то громко засмеялся.

Максим посмотрел туда.

Обычные люди.

Обычный московский вечер.

Трудно было совместить его с разговором, который они вели.

- Зачем системе вообще нужна такая точность прогнозирования? - спросил Максим.

Соколов повернулся к нему.

- Какой системе?

- Той, на которую вы работаете.

- Это слишком общий вопрос.

- Тогда конкретнее. Если люди становятся менее внушаемыми, почему кого-то наверху это пугает?

Соколов помолчал.

- Потому что любая большая система существует за счёт предсказуемости.

- Государство?

- Государство тоже.

- Банки?
- Конечно.
- Религии?
- Часто.
- Корпорации?
- В первую очередь.

Максим поднял брови.

- Очень патриотично.
- Я не занимаюсь идеологией.
- Тогда чем?
- Устойчивостью.
- Красивое слово.
- Полезное.
- Для кого?

Соколов посмотрел на людей вокруг.

- Иногда для всех.
- А иногда?
- Для тех, кто управляет.

Максим не ожидал такого ответа.

Соколов продолжил:

- Представьте город из двенадцати миллионов человек.

Вода, транспорт, электричество, больницы, банки, связь, полиция, поставки продовольствия. Всё держится на миллионах повторяющихся действий. Машинист приходит на смену. Диспетчер не решает внезапно изменить маршрут самолёта. Врач соблюдает протокол. Сотрудник электростанции

выполняет инструкцию.

- И?

- Полная автономия каждого человека не создаёт свободу автоматически. Иногда она создаёт хаос.

- Поэтому людьми надо управлять?

- Поэтому общество всегда создаёт правила.

- Это не одно и то же.

- Верно.

Соколов слегка улыбнулся.

- Вот здесь начинается интересное.

Максим ждал.

- В любой системе появляется слой людей, которые перестают различать координацию и контроль.

- И вы к какому слою относитесь?

Соколов посмотрел на него.

- Хороший вопрос.

- Ответ?

- Пока не уверен.

Это снова выбило Максима из привычной картины.

Он ожидал человека, который будет защищать систему.

Вместо этого Соколов говорил так, словно сам давно с ней спорил.

- Тогда зачем вы работаете на них?

- Потому что кто-то должен находиться внутри.

Фраза показалась знакомой.

Не по словам.

По смыслу.

Максим почувствовал слабое тепло в груди.

Соколов заметил, как он машинально коснулся рубашки.

- Что?

- Ничего.

- Опять?

Максим убрал руку.

- Что опять?

- Это ощущение.

Он замер.

- Какое?

Соколов несколько секунд смотрел на него.

- Значит, есть.

Максим встал.

- На этом закончили.

- Сядьте.

- Нет.

- Максим Сергеевич, если бы я хотел причинить вам вред, я бы сейчас не пытался понять, что с вами происходит.

- Вы только что специально проверили реакцию.

- Да.

- Утром.

- Да.

- И сейчас опять.

Соколов не стал отрицать.

Максим сделал шаг.

- Что именно вы знаете?

- О тепле?

Он остановился.

Соколов медленно поднялся.

- Очень мало.

- Говорите.

- У части людей перед появлением устойчивых изменений возникает набор субъективных ощущений. Тепло в груди. Свет во сне. Чувство присутствия. Иногда ощущение, что человек вспомнил что-то, чего никогда не знал.

Максим смотрел на него.

- Это есть в данных?

- В интервью.

- С кем?

- С теми, кто согласился говорить.

- Где они?

Соколов отвёл взгляд.

- Некоторые живут обычной жизнью.

- А остальные?

- По-разному.

Точно так же отвечала Елена.

Максим почувствовал раздражение.

- Вы все специально учитесь говорить одинаково?

- Потому что простой ответ вам не понравится.

- Попробуйте.

Соколов помолчал.

- Некоторые не справились.

Максим сразу понял.

- Психиатрия?

- В том числе.

- Самоубийства?

Соколов кивнул.

- Были.

- Почему?

- Представьте человека, который внезапно начинает сомневаться в фундаментальных основаниях собственной личности. Его воспоминания больше не кажутся единственными. Во сне он видит места, где никогда не был. Возникает ощущение чужой памяти. Он начинает находить совпадения. Потом встречается людей, которые говорят ему, что он избран.

Максим нахмурился.

- И?

- А дальше многое зависит от того, кого он встретит первым.

Эта мысль Максиму не понравилась.

- Учителя?

- Иногда.

- Шарлатаны?

- Очень часто.

- Культы.

- Да.

- А вы?

Соколов посмотрел прямо на него.

- Поэтому «Контур» когда-то и создавался.

- Чтобы защищать таких людей?

- В том числе.

Максим рассмеялся.

- Елена рассказывала немного иначе.

- Елена пришла позже.

- И увидела, во что вы превратились?

Соколов молчал.

Этого оказалось достаточно.

*

Они снова пошли.

Теперь медленнее.

Максим чувствовал, что картина становится сложнее, а не яснее.

Это раздражало.

Гораздо проще было бы обнаружить тайную организацию злодеев.

Соколов не вписывался.

- Когда всё изменилось? - спросил Максим.

- Что именно?

- «Контур».

Соколов некоторое время молчал.

- Когда стало понятно, что этих людей можно не только изучать.

- А использовать?

- Да.

Максим почувствовал холод.

- Как?

- Повышенная чувствительность к социальным процессам. Необычная интуиция. Способность видеть связи, которые остальные замечают позже. У некоторых очень высокий уровень эмпатии. У других нестандартное прогнозирование.

- Экстрасенсы?

- Я не использовал это слово.

- Но смысл тот же.

- Нет. Большинство не умеет читать мысли или двигать предметы.

- Утешили.

Соколов усмехнулся.

- Зато иногда они раньше чувствуют, что система идёт к кризису.

- Почему?

- Не знаем.

- И их начали использовать как прогнозистов?

- В том числе.

- А ещё?

Соколов посмотрел на него.

- Людей с высокой чувствительностью можно использовать в обе стороны.

Максим понял не сразу.

Потом понял.

- Для воздействия на других.

- Да.

- Пропаганда?

- Шире.

- Реклама?

- Тоже.

- Религия?

Соколов не ответил.

- Политика?

Молчание.

Максим остановился.

- То есть вы находили тех, кто чувствует людей лучше остальных, и учили их управлять массами?

- Не я.

- «Контур».

- Отдельные подразделения.

- Какая удобная формулировка.

- Максим, большие системы редко принимают одно решение. Они расползаются по направлениям. Одни люди делают исследования. Другие видят в результатах оружие. Третьи пытаются заработать. Четвёртые искренне считают, что спасают общество.

- А пятые?

Соколов посмотрел на него.

- Пятые начинают получать удовольствие от власти.

Это прозвучало без пафоса.

Почти буднично.

От этого стало неприятнее.

*

Храм.

Закрывающиеся двери.

Знание превратили во власть.

Фраза возникла внутри настолько ясно, что Максим оставался.

В глазах на секунду потемнело.

Белые стены.

Жара.

Запах масла и раскалённого камня.

Мужчина в светлой одежде стоял перед ним.

Лицо невозможно было рассмотреть.

- Если мы закроем знание, они будут зависеть от нас.

Другой голос.

Его собственный.

Но не его.

- Тогда это уже не знание.

Картинка исчезла.

Максим резко вдохнул.

- Максим?

Соколов держал его за локоть.

- Не трогайте меня.

Он отступил.

- Что вы увидели?

- Ничего.
- Не надо сейчас врать.
- Я сказал, ничего.

Соколов смотрел на него очень внимательно.

- Вы слышали голос?

Максим замер.

- Откуда вы...

Он оборвал себя.

Соколов тихо выдохнул.

- Быстро.
- Что быстро?
- У вас процесс идёт быстрее, чем обычно.
- Какой процесс?
- Мы называем его интеграцией.
- Кто «мы»?
- Те, кто не любит слово «пробуждение».

Максим вдруг рассмеялся.

Нервно.

- Конечно. Для всего есть термин.
- Термин помогает не сходить с ума.
- Или делать вид, что вы понимаете происходящее.
- Это тоже.

*

Они дошли до перекрёстка.

Чёрный автомобиль медленно двигался параллельно по улице.

Максим заметил.

- Он всё время будет за нами ехать?

- Пока вы со мной.

- Отлично.

- Привыкайте.

- Не собираюсь.

Соколов посмотрел на часы.

- У вас есть место, где можно переночевать?

Максим сразу насторожился.

- Почему спрашиваете?

- Елена сказала не возвращаться домой?

Он не ответил.

- Значит, сказала.

- Вы читаете её сообщения?

- Нет.

- Тогда откуда?

- Я бы сказал то же самое.

Максим остановился.

- Что у меня дома?

- Скорее всего, ничего.

- «Скорее всего»?

- После встречи с Еленой лучше не проверять.

- Кто может прийти?

Соколов посмотрел на него.

- Это сложнее.

- Я никуда не пойду, пока не объясните.

- Есть группы, которые ищут таких людей независимо от «Контура».

- Какие группы?

- Религиозные. Частные. Государственные. Иногда просто состоятельные люди, финансирующие собственные исследования.

- По всему миру?

- Да.

- И все ищут людей со знаком?

- Не со знаком. Знак только один из повторяющихся маркеров.

- Для чего?

- По разным причинам.

- Например?

- Кто-то хочет изучать.

- Кто-то использовать.

- Да.

- Кто-то убивать?

Соколов посмотрел на него.

- Редко.

- Очень обнадёживает.

- На самом деле да. Живой человек обычно ценнее мёртвого.

- Прекрасный новый мир.

Соколов ничего не ответил.

*

Максим почувствовал вибрацию телефона.

Сообщение от Елены.

Ты с ним?

Он не стал отвечать.

Через несколько секунд:

Если с Соколовым, не верь истории про защиту.

Максим посмотрел на мужчину рядом.

Соколов заметил.

- Елена?

- Допустим.

- Передайте, что я тоже рад её видеть.

Максим написал:

Он говорит, «Контур» изначально создавался для изучения и защиты.

Ответ пришёл мгновенно.

Так и было.

Максим остановился.

Перечитал.

Следующее сообщение:

А потом они нашли способ использовать пробуждённых.

Он поднял глаза на Соколова.

- Она подтверждает вашу версию.

- Удивительно.

- И говорит, что вы начали их использовать.

- Это тоже правда.

- Тогда в чём вы спорите?

Соколов задумался.

- В том, можно ли систему изменить изнутри.

Максим почувствовал знакомый внутренний отклик.

- Она считает, что нельзя?

- Елена считает, что любую структуру, получившую инструмент контроля, нужно уничтожить.

- А вы?

- Что после уничтожения структуры останутся люди, которые захотят построить новую.

Максим молчал.

Это было почти точным отражением мысли, которая уже возникала у него раньше.

Можно разрушить систему.

Но если сознание людей не изменилось, они создадут такую же.

- И что предлагаете вы?

Соколов ответил:

- Менять правила изнутри.

- Уже получилось?

- Не особенно.

Максим усмехнулся.

- Честно.

- Вы просили.

*

Телефон снова завибрировал.

Елена:

Спроси его про протокол «Пастырь».

Максим поднял взгляд.

- Что такое протокол «Пастырь»?

Соколов перестал идти.

Изменение было мгновенным.

До этого он выглядел усталым профессионалом.

Теперь в лице появилось что-то жёсткое.

- Она не должна была вам об этом говорить.

- Значит, существует.

- Да.

- Что это?

Соколов посмотрел вокруг.

- Не здесь.

- Тогда мы закончили.

Максим развернулся.

- Максим.

Он продолжил идти.

- Если вы сейчас уйдёте, то к полуночи начнёте искать это в интернете.

Максим остановился.

- И?

- Не найдёте.

- Тогда чего боитесь?

- Что найдёте тех, кто знает название.

Максим повернулся.

- Это угроза?

- Предупреждение.

- Вы сегодня злоупотребляете этим словом.

Соколов выдохнул.

- «Пастырь» был программой контролируемого использования людей с высокой степенью восприимчивости к коллективным состояниям.

- Говорите человеческим языком.

- Их использовали для создания сообщений, ритуалов, образов и смысловых конструкций, способных сильнее воздействовать на большие группы.

Максим почувствовал, как внутри поднимается отвращение.

- Психологическое оружие.

- В некоторых применениях да.

- Кто?

- Разные структуры.

- В России?

- Не только.

- Когда?

- Эксперименты шли десятилетиями в разных странах.

- И «Контур» участвовал?

Соколов не ответил.

- Виктор Андреевич.

- Да.

Максим несколько секунд просто смотрел на него.

- А вы говорите о защите.

- Потому что программа была закрыта.
- Почему?
- Потому что последствия оказались хуже прогнозов.
- Какие последствия?
- Для операторов.
- То есть?

Соколов посмотрел на него.

- Нельзя долго усиливать страх, ненависть и зависимость в других людях, не меняясь самому.

Максим почувствовал слабый холод.

- Они сходили с ума?
- Некоторые.
- Остальные?
- Начинали верить в то, что создавали.
- Пропагандисты становились жертвами собственной пропаганды?
- Упрощённо, но да.

- И программу закрыли из гуманизма?

Соколов усмехнулся без радости.

- Из-за потери управляемости.

Максим кивнул.

Вот это звучало правдоподобнее.

*

- А Елена? - спросил он.
- Что Елена?
- Она работала в «Пастыре»?

Соколов долго молчал.

- Нет.

- Тогда откуда знает?

- Она расследовала последствия.

- И поэтому ушла?

- В том числе.

- Вы отпустили её?

- Мы не тюрьма.

- Но следите.

- Потому что она вынесла данные.

- Какие?

- Достаточные, чтобы навредить большому количеству людей.

- Или «Контуру»?

- И ему тоже.

Максим достал телефон.

Написал:

Он говорит, ты вынесла данные.

Ответа долго не было.

Потом:

Да.

Какие?

Три точки.

Списки.

Максим почувствовал, как внутри стало холодно.

Списки пробуждающихся?

Да.

Он поднял глаза на Соколова.

- Она взяла списки людей.

- Теперь понимаете проблему?

- Зачем?

- Спросите её.

Максим написал.

Зачем тебе списки?

Ответ пришёл через минуту.

Чтобы удалить их до того, как их передали дальше.

Следом:

Я не успела.

И ещё:

Часть уже ушла тем, кому не должна была.

Максим почувствовал тяжесть в животе.

- Кому?

Соколов посмотрел на экран его телефона.

- Она сказала?

- Нет.

- Тогда спросите.

Максим написал.

Ответа не было.

Через несколько секунд вместо сообщения пришёл входящий вызов.

Елена.

Максим принял.

- Да.

Сначала тишина.

Потом её голос.

Очень тихий.

- Ты с Соколовым?

- Да.

Пауза.

- Хорошо.

Максим удивился.

- Хорошо?

- Значит, пока безопаснее оставаться с ним.

Соколов услышал.

Лицо не изменилось.

- Что происходит?

- Максим, слушай внимательно. Не приезжай домой. Не езжай к матери. Не звони Илье.

- Почему?

- Кто-то открыл старый архив.

- Какой архив?

- «Пастыря».

Соколов резко протянул руку.

- Дайте телефон.

Максим отступил.

- Нет.

Елена продолжала:

- Там были не только наши списки.

- А что ещё?

- Исторические наблюдения.

Соколов стал бледнее.

- Елена, - громко сказал он. - Где ты?

На другом конце повисла тишина.

- Виктор?

- Где ты?

- Уже поздно.

- Что ты сделала?

- Не я.

Связь зашипела.

- Елена?

- Максим, если начнут приходить воспоминания, не пытайся их ускорить.

- Что?

- Не используй никакие техники. Никаких веществ. Никаких гипнозов. Никаких людей, которые обещают открыть память.

- Почему?

- Потому что часть того, что приходит, может быть не твоим.

Максим замер.

- Что это значит?

Соколов резко сказал:

- Елена, хватит.

Она будто не слышала.

- Они давно поняли, что человека можно заставить принять внедрённый образ за воспоминание.

Максим почувствовал, как внутри всё похолодело.

- Кто «они»?

В трубке раздался глухой звук.

Будто что-то упало.

- Елена?

Ещё звук.

Потом дыхание.

- Просто помни одно.

- Что?

- Настоящее не заставляет.

Связь оборвалась.

Максим несколько секунд держал телефон у уха.

Потом посмотрел на Соколова.

- Где она?

- Если бы знал, не спрашивал бы.

- Что значит «внедрённый образ»?

Соколов провёл ладонью по лицу.

Впервые Максим увидел в нём не контроль.

Настоящую тревогу.

- Поехали.

- Куда?

- В место, где можно проверить, что произошло.

- Нет.

- Максим.

- Сначала объясните.
- Сейчас нет времени.
- Времени для чего?

Телефон Соколова зазвонил.

Он посмотрел на экран.

Ответил.

- Да.

Слушал молча.

Лицо стало ещё жёстче.

- Когда?

Пауза.

- Сколько?

Ещё пауза.

- Доступ закрыть полностью. Внешние каналы тоже. И найдите источник выгрузки.

Он отключился.

Максим ждал.

Соколов посмотрел на него.

- Архив действительно открыли.

- Кто?

- Не знаем.

- Что внутри?

- Наблюдения почти за девяносто лет.

Максим почувствовал, как сердце ускорилося.

- С 1936 года?

Соколов резко посмотрел на него.

- Откуда вы знаете эту дату?

Максим вспомнил фотографию Михаила Арсеньева.

- Елена показала.

Соколов выругался.

Первый раз за всё время.

- Что?

- Арсеньев был одним из первых задокументированных случаев.

- Вы говорили, «Контур» существует двадцать лет.

- «Контур» да. Наблюдения намного старше.

- Кто их собирал?

Соколов посмотрел на него.

- Вот это как раз вопрос, на который я хотел бы получить ответ.

*

Чёрный автомобиль остановился рядом.

Водитель вышел и открыл заднюю дверь.

Максим не двигался.

- Куда?

- В старый аналитический центр.

- Тот, где работала Елена?

- Да.

- Почему я должен ехать?

Соколов посмотрел на него.

- Не должны.

Это слово снова прозвучало правильно.

Максим почувствовал отклик.

Соколов продолжил:

- Можете уйти. Через десять минут мы потеряем друг друга. Вы найдёте гостиницу, выключите телефон и попыгаете убедить себя, что всё это вас не касается.

- Звучит неплохо.

- Возможно.

- А второй вариант?

- Вы поедете со мной и увидите материалы, которые официально не существуют.

- Почему вы хотите мне их показать?

Соколов ответил не сразу.

- Потому что утром я думал, что вы один из объектов наблюдения.

- А сейчас?

- Сейчас я начинаю подозревать, что вы связаны с причиной.

Максим смотрел на него.

- Откуда такой вывод?

- Дата.

- Какая дата?

- Семнадцатое августа 1993 года.

У Максима пересохло во рту.

- Откуда вы её знаете?

Соколов понял по его лицу.

- Значит, совпало.

- Что совпало?

Он достал телефон.

Несколько движений.

Показал экран.

Старая отсканированная страница.

Машинописный текст.

Наверху штамп.

АРХИВ 12-А.

Ниже:

Прогнозируемое окно следующей волны: август 1993 года.

Максим почувствовал, как мир вокруг стал тише.

- Что это?

- Документ 1974 года.

- Кто написал?

- Неизвестно.

- И там указан 1993?

- Да.

Соколов пролистнул ниже.

Ещё одна строка.

Повторная активация ожидается после завершения третьего цикла. Интервал ориентировочно 32-34 года.

Максим быстро посчитал.

Плюс тридцать три.

Он поднял глаза.

Соколов смотрел на него.

- Именно.

Максим ещё раз посмотрел на документ.

- Это может быть подделка.

- Может.

- Вы могли сделать её сегодня.

- Мог.

- Тогда почему я должен верить?

- Не должны.

Снова это слово.

Соколов убрал телефон.

- Поэтому я предлагаю посмотреть оригинал.

*

Максим стоял возле машины.

Город продолжал жить вокруг него.

Можно было развернуться.

Уйти.

Позвонить матери.

Поехать домой.

Завтра проснуться, открыть рабочую почту и решить, что всё происходящее было каким-то безумным совпадением.

Он почти видел эту жизнь.

Очень простую.

Знакомую.

Безопасную.

И вместе с ней возникло другое ощущение.

Не голос.

Не приказ.

Тепло.

Совсем слабое.

Где-то в груди.

Живое.

Спокойное.

Оно не толкало его к машине.

Не говорило, что делать.

Просто присутствовало.

Максим вдруг понял, почему это так важно.

Если бы внутри появился приказ, он бы испугался.

Но ничего не требовало от него решения.

Выбор оставался его.

Он посмотрел на Соколова.

- Если мне что-то не понравится, я ухожу.

- Разумеется.

- Телефон остаётся у меня.

- Да.

- Илью не трогаете.

Соколов вздохнул.

- Вы удивительно быстро начали выставлять условия.

- Практикуюсь в автономном поведении.

Соколов впервые за вечер искренне улыбнулся.

- Садитесь.

Максим сел в машину.

*

Они ехали почти сорок минут.

Москва постепенно менялась.

Центр остался позади.

Потом исчезли витрины, рестораны, туристы.

Машина ушла в сторону старых промышленных кварталов.

Максим следил за маршрутом на телефоне.

Соколов не мешал.

Это немного успокаивало.

- Куда именно?

- Вы всё равно через минуту увидите.

- Очень секретно.

- Уже не особенно.

Они свернули с основной дороги.

За высоким кирпичным забором появился комплекс старых зданий.

Советская архитектура.

Три этажа.

Узкие окна.

Никаких вывесок.

На проходной сидел охранник.

Он посмотрел документы Соколова.

На Максима посмотрел дольше.

Шлагбаум поднялся.

Машина въехала внутрь.

- Что здесь было?

- Институт прикладной психофизиологии.
- Никогда не слышал.
- Такое название было только последние годы.
- А раньше?

Соколов посмотрел в окно.

- По-разному.

Они остановились у дальнего корпуса.

Внутри горел свет только на первом этаже.

Максим вышел.

Воздух здесь пах сырой листвой и старым кирпичом.

Соколов открыл тяжёлую дверь электронным ключом.

Внутри оказалось неожиданно современно.

Камеры.

Турникеты.

Серые стены.

Белый свет.

Молодой сотрудник за стойкой поднялся.

- Виктор Андреевич.
- Что с архивом?
- Локализовали. Внешняя передача была.
- Объём?

Парень посмотрел на Максима.

Соколов кивнул.

- Говорите.
- Около сорока гигабайт.
- Куда?

- Пока неизвестно. Использовалась цепочка узлов.
- Когда?
- Начало в девятнадцать четырнадцать.

Максим вспомнил.

В это время он ехал к Чистым прудам.

- Кто был внутри?
- Семь человек.
- Проверили?
- Да.
- Елена?
- Нет.

Соколов кивнул.

- Откройте двенадцатый.

Парень замер.

- Виктор Андреевич...
- Я сказал, откройте.
- Нужен второй допуск.
- Я беру ответственность.

Сотрудник не выглядел счастливым.

Но нажал несколько клавиш.

В глубине коридора загорелся зелёный индикатор.

*

Они спустились на один этаж вниз.

Потом ещё на два.

Максим удивился.

Снаружи здание выглядело трёхэтажным.

Под землёй оказалось не меньше.
Коридоры становились старше.
Современные панели исчезли.
Осталась крашеная бетонная стена.
Старые металлические двери.
На одной сохранилась табличка:

ХРАНИЛИЩЕ 12

Соколов приложил карту.
Замок щёлкнул.
За дверью был небольшой зал.
Шкафы.

Архивные коробки.

Микрофильмы.

Старые магнитные ленты.

Несколько современных серверных стоек.

История разных эпох была собрана в одном помещении.

- И всё это про таких людей?

- Не всё.

Соколов включил свет над дальним столом.

- Здесь собирали материалы, которые не удавалось нормально классифицировать.

Он подошёл к металлическому шкафу.

Открыл.

Внутри десятки серых папок.

Годы.

Максим почувствовал, как ладонь начала покалывать.

- Дайте угадаю.

Он протянул руку к папке 1993 года.

- Я бы начал раньше, - сказал Соколов.

- Почему?

Соколов достал папку с маркировкой:

\1936. ЕГИПЕТ. АРСЕНЬЕВ М.А.

Положил на стол.

Максим смотрел на неё.

Фотография Елены лежала у него во внутреннем кармане.

Он открыл папку.

Первая страница.

Михаил Александрович Арсеньев.

1899 года рождения.

Востоковед.

Археолог.

Экспедиция в Египет.

Несколько сухих биографических строк.

Потом фотография.

Та самая.

Только значительно качественнее.

Максим приблизил.

На ладони Арсеньева действительно был знак.

Четыре линии.

Под фотографией машинописная пометка:

Проявление маркера зафиксировано 11.08.1936.

Следующая страница.

Отрывки дневника.

Соколов молчал.

Максим начал читать.

14 августа. Снова видел город у большой реки. Уверен, что никогда прежде не находился в этом месте, однако знаю расположение помещений. Особенно ясно помню западный зал и помещение с зелёным камнем.

Максим перестал дышать.

Зелёный камень.

На секунду перед глазами вспыхнул образ.

Кристалл.

Коридор.

Мальчик.

Он перевернул страницу.

15 августа. Имя вернулось утром. Натхор. Не уверен, человек ли это. Иногда кажется, что это был я.

Максим замер.

Руки стали холодными.

Соколов наблюдал.

- Вы знаете это имя?

Максим не ответил.

Он не мог.

На следующей странице была зарисовка.

Профиль мужчины.

Храм.

Знак.

А под ним рука Арсеньева вывела ещё одну фразу:
Мы обещали не приходить напрямую.
Максим почувствовал удар воспоминания.
Не образ.
Сначала звук.
Голос женщины.
Далёкий.
Спокойный.
Только воплощение.
Потом свет.
Голубая Земля.
Тепло в груди стало почти физическим.
Максим схватился за край стола.
- Максим?
Соколов сделал шаг.
- Не надо.
Он поднял руку.
В этот момент из папки выпал сложенный лист.
Старый.
Почти пожелтевший.
На нём была нарисована карта звёздного неба.
Одна звезда отмечена кругом.
Рядом подпись:
Сопдет.
Ниже:
Дом.

Максим смотрел на слово.

И внезапно понял его значение раньше, чем успел подумать.

Сириус.

Сопдет.

Не просто звезда.

Имя.

Древнее имя.

В голове вспыхнуло:

Белые одежды.

Тёмное небо.

Первые лучи рассвета.

Люди на крыше храма.

Он сам смотрит туда, где над горизонтом должна появиться звезда.

Рядом женщина.

Её лицо скрыто светом.

Она произносит:

- Когда забудешь всё остальное, смотри туда.

Максим закрыл глаза.

Внутри поднималось не воспоминание.

Целая жизнь.

Он испугался.

И сразу вспомнил голос Елены.

Не пытайся ускорить.

Потом другое.

Живой свет.

Без приказа.

Без требования.

Тепло разошлось от груди к плечам.

Максим медленно вдохнул.

Открыл глаза.

Воспоминание отступило.

Он всё ещё был здесь.

Москва.

Подземный архив.

Соколов напротив.

Старая папка.

Максим посмотрел на него.

- Кто такой Натхор?

Соколов ответил тихо:

- Именно это мы пытаемся понять почти девяносто лет.

Максим перевёл взгляд на папку.

- Тогда вы ищите не тех людей.

- Почему?

Он положил ладонь на запись Арсеньева.

- Потому что Натхор не один из них.

Соколов нахмурился.

- Откуда вы знаете?

Максим смотрел на собственную руку.

Четыре линии снова проступали на коже.

Медленно.

Прямо у них на глазах.

- Потому что это был я.

ГЛАВА 5. ПРОВЕРКА ПАМЯТИ

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.